

Это подиум,
ДЕТКА!

**МАША
ЦАРЕВА**

...МОСКВА – КАК ЗАРАЗНАЯ
БОЛЕЗНЬ. ПОЖИВЕШЬ ТУТ
ПАРУ МЕСЯЦЕВ – И ВИРУС
В КРОВИ, ЭТО НЕИЗЛЕЧИМО.
КУДА ЖЕ ТЕПЕРЬ БЕЗ ВСЕГО
ЭТОГО – ШИРОКИХ УЛИЦ,
РАВНОДУШНЫХ ПЕРЕПУД-
РЕННЫХ ЛИЦ, ПРОПИТАННЫХ
ПОТОМ И ДЫМКОМ
МЕНТОЛОВЫХ СИГАРЕТ
КАСТИНГОВ, ШУЛЕРСКОГО
ДУХА ЛОТЕРЕЙ...

...ВЗРОСЛАЯ ДАМА, ХВАТКОЙ
ПИТБУЛЯ ВЦЕПИВШАЯСЯ В
УТЕКАЮЩУЮ СКВОЗЬ ПАЛЬЦЫ
МОЛОДОСТЬ. ЕЙ БЫЛА ИЗВЕСТНА
БЕСПРОИГРЫШНАЯ ФОРМУЛА
КРАСОТЫ: СЕКС + ЛЮКС + БОТОКС...

...Я – БУТАФОРСКАЯ СТЮАРДЕССА,
ОДНОРАЗОВАЯ. СОПРОВОЖДАЮ
«МАЛЬЧИШНИК» В РЕЙСЕ
«МОСКВА - НИЦЦА»...

Маша Царева

**Это подиум, детка! Сага
о московских куколках**

«ЭКСМО»

Царева М.

Это подиум, детка! Сага о московских куколках / М. Царева — «Эксмо»,

Современные золушки сидят на обезжиренном кефире, латают чулки, припадают напудренными носиками к бодрящим кокаиновым дорожкам, карабкаются, царапаются, иногда подставляют друг друга и от безнадёги приторговывают собой. С их репутацией рассчитывать на сказочного принца не приходится. Алена Соболева за несколько лет проходит путь от провинциальной королевы красоты до одной из самых высокооплачиваемых московских куколок. Ведь в большом городе море соблазнов – модные вечеринки, шальные деньги, пьянящее ощущение вседозволенности, влиятельные «вип выпычи», в руках которых сосредоточен весь мир, и, возможно, они позволят отщипнуть хоть один крошечный кусочек...

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Царева Маша

Это подиум, детка! Сага о московских куколках

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Гадкий утенок – вот кем она была.

Ей было всего лет десять-одиннадцать, когда стало понятно, что прекрасная принцесса никогда не вылупится из этого долговязого существа с острыми коленками, рыжими ресницами и крупными передними зубами. Уже тогда она была выше сверстников на полторы головы. А через несколько лет, к десятому классу, ее рост и вовсе зашкалил за допустимый женственностью предел и замер на отметке 185.

Она была тихой, забитой. Сидела на последней парте. Послушно давала списывать первым красавицам в надежде на то, что ей швырнут хотя бы объедки девичьей дружбы, и не обижалась, ничего не получая взамен.

Уродина.

Волосы жесткой проволокой торчали во все стороны. Шея бледная, длинная. Крупные бурые веснушки – как будто по ее лицу кто-то рассыпал порченный горох.

Ее возможное счастье было соткано из сотни досадных «если бы». Ах, если бы она была баскетболисткой, чемпионкой – тогда никто бы не посмел выдразнивать ее отмеченные медалями и кубками габариты! Но она была неловкой, медлительной, неповоротливой – на радость окружающим, сшибала углы и путалась в собственных конечностях. Ах, если бы она жила в Москве – говорят, высокий рост там ценится как элемент породистости! Но нет – она родилась в небольшом сибирском городке N, где ей свистели вслед, а она делала вид, что не обижается.

Ее самосознание было огранено вечными насмешками, полным мужским игнором, неприятным заспинным шепотком и обидными прозвищами, которыми награждали ее одноклассники. Коломенская верста, клоун, тетя-достань-воробушка, пожарная каланча, годзилла...

И кто бы мог предположить, что однажды эта коломенская верста, страшилище № 1, нелюдима бука, клоунски рыжее недоразумение природы станет признанной красавицей, подчинившей полмира своему капризному эго? Кто бы мог вообразить, что этой дылде будут принадлежать лучшие брильянты Tiffany и лучшие пенисы Манхэттена?!

Вот уж правда – неисповедимы подлунные пути...

Шестнадцатилетняя Алена Соболева и предположить не могла, какую роль сыграет в ее жизни тот душный июльский день. Ничего особенного в нем не было – понедельник как понедельник. То было ее последнее длинное лето. Впереди – десятый школьный год, после которого предстояло впрячься в лихорадочную взрослость – выпускные экзамены и вступительные, сессии, лекции, хронический недосып и нервный гастрит, работа, в лучшем случае обрамленное первой любовью замужество, подгузники, корь, ветрянка, взятки, чтобы отпрыска в лучшую школу приняли...

Все это было, с одной стороны, неизбежным, с другой – призрачно-далеким: так в разгар душевного лета не хочется верить в бесцеремонно щипающие за нос крещенские морозы. А пока она была всего лишь долговязой девицей в немодном ситцевом халате и инфантильных белых носках под заношенными сандалиями. Она шла бок о бок со своей лучшей подружкой Галиной, лениво ела эскимо и пыталась поддержать разговор о любви. Опыта в делах любовных у Алены

почти не имелось (не считая нелепого скучного соития со случайным мужчиной, о котором она никогда никому не рассказывала), так что ее участие в диалоге сводилось к репликам вроде «Да ну?», «Ну да!» или экспрессивному «Ничего себе!»

Галине тоже было шестнадцать лет, и ей нравилось выглядеть прожженной и опытной по сравнению с никчемной подругой. Она только что вернулась с дачи и теперь вдохновенно рассказывала о Коляне и Петяне, которые приходили в ее детский шалаш, построенный из веток и полиэтиленовой пленки, и там доводили ее до состояния, которое сама Галя описывала так:

– Ты не представляешь, что это, у меня дрожали колени, и я себе все губы искусала! До крови!

Алена внимала с недоверчивым восхищением. Где-то в глубине ее существа медлительной медузой пошевеливалось что-то, похожее на зависть, но она решительно давила зародыш мерзкого чувства. Какой смысл завидовать? Совсем неудивительно, что Галина в ее шестнадцать лет уже испытала оргазм, ведь она – принцесса.

По закону жанра ее лучшая подружка Галина была слеплена из иных человеческих материалов. На ее производство небесная фабрика пустила строительные ресурсы limited edition – плавные изгибистые линии, тонкие черты, бархатные брови, шелковые волосы... Ее кровь – сложносочиненный коктейль, этакий генетический лонг-дринк, в котором отметились круглолицый славянский отец, плавная восточная красавица мама и бабушка с невнятными татарскими корнями. В результате этого микса Галине досталась нездешняя, душераздирающая красота.

Их дружба была родом из детства – в законах малышейового товарищества красоте не отводится решающей роли.

Галочка была истинной звездой – занималась фигурным катанием и бальными танцами, умела кататься на лошади верхом и превосходно пела. Она мечтала рано или поздно вытеснить эту звездность за рамки микрорайонного масштаба.

Именно она и обратила внимание на криво прилипавшее к фонарному столбу объявление. Алена сначала и не поняла, что привлекло ее внимание. На полуслове прервав рассказ о том, как Колян узнал о том, что в шалаше бывает не только он, но и Петяня, и пригрозил повеситься, Галя остановилась.

– Что случилось? – машинально сделавшая несколько шагов вперед, Алена тоже замерла. В их дружбе верховодила Галина, Алене отводилась роль восхищенного пажа.

– «Мэрия N-ска и международное модельное агентство Podium Addict приглашают девушек (возраст 15—25, размер до 46, рост не ниже 165) на конкурс красоты „Мисс N-ск“. Отбор проходит в ДК по понедельникам с 19.00, при себе иметь купальник», – вслух прочитала Галя.

Распечатанное на принтере объявление украшала фотография дурного качества – на ней поделенная на сотни черно-белых точек большегрудая блондинка в бальном платье и короне ослепительно улыбалась в объектив.

– И что? – удивилась Алена. – Нам-то что с этого? Ты хочешь достать билеты на конкурс?

– Дурочка, – сузила синющие глаза Галя, – ну при чем тут билеты? Может быть, этот конкурс – наш счастливый билет! А что, мы обе подходим. И по возрасту, и по росту, и по размеру. Может быть, стоит рискнуть? Сегодня понедельник как раз. Чем мы хуже этой? – Тонкий смуглый пальчик уперся в невнятную фотографическую блондинку.

Алена равнодушно пожала плечами. Она понимала, что «нам» было сказано из вежливости, на самом же деле Галя пытается примерить к королевскому титулу только свою собственную судьбу. Ей не было обидно. Если в тринадцать лет при очередном чьем-нибудь восклицании: «Ну и дылда!» ее захлестывала черная волна осознания мировой несправедливости, то сейчас, в шестнадцать, она внутренне была взрослее сверстниц и твердо верила – физической

красотой счастье не ограничивается. Она поступит в институт, станет великолепным педагогом, и жизнь ее закрутится не хуже, чем у остальных.

А Галина уже нетерпеливо подпрыгивала на месте:

– У нас как раз есть время, чтобы забежать домой за купальниками! Решай – ты со мной или нет?

Алена пожалала плечами. В тот пластилиновый жаркий вечер у нее все равно не нашлось бы дел интереснее. И она равнодушно ответила: «С тобой».

– Следующая! Следующая!... Девушка, а вы никогда не пробовали ноги брить?... Следующая!... Так, а это что за Шрек в юбке? Вы бы сначала липосакцию подбородка сделали, что ли. Или просто ели бы поменьше сливочного масла! Следующая! – орала в мегафон тощая девица, чье лошадиное лицо было изрыто безжалостными минами оспин и залеченных угрей.

Она стояла перед поскрипывающей от старости сценой местного ДК, а из-за кулис выходили все новые претендентки на гордое звание «Мисс N-ск». Выходили – и с трепещущим сердцем останавливались в желтом круге прожектора, ожидая, когда распорядительница назовет их жирными, коротконогими, неповоротливыми или с кривоватой ухмылкой циника вытащит на свет некую неприятную интимную деталь вроде плохо подбритых подмышек или золотой коронки, сверкнувшей в глубине заискивающе улыбающегося рта. Предстоящий конкурс две недели рекламировался по местному телевидению, так что бороться за статус первой красавицы пришла, казалось, вся женская часть города. Некоторые самонадеянные интриганки проигнорировали указанные параметры возраста и роста – может быть, искренне верили, что они выглядят моложе и выше, а может быть, им казалось, что перед «перчинкой» их образа не устоит ни одно жюри. И вот теперь их в пух и прах разносила лошадиная девушка с мегафоном.

– Женщина, вы куда пришли – рекламировать крем от глубоких мимических морщин? Следующая!... А вы – боюсь, вы немного перепутали, кастинг цирка лилипутов проходит в другом месте!... Следующая!

Алена и Галочка уныло переглянулись – выходить на сцену почему-то расхотелось. На обеих были купальники. На Галине – новенький, красный, с переливающимися стразами и золотой брошью в виде стрекозы на лифе. Загорелая дочерна, складненькая, в лаковых туфлях на десятисантиметровых каблуках и золотой цепочкой вокруг осиной талии – она была похожа не то на любимую наложницу арабского шейха, не то на обманчиво скромную девушку с обложки Playboy (да, она в купальнике и наивно улыбается, но мы-то знаем, что в глубине журнала запрятан *topless-разворот!*). На Алене – старенький, дачный, выцветший. И сама она тоже какая-то выцветшая – как и большинство урожденных рыжих, она не переносила солнечных лучей. На солнце ее бледная тонкая кожа миглом превращалась в кровоточащий волдырь. Длинные волосы она небрежно раскидала по плечам – скорее не для того, чтобы продемонстрировать их здоровую шелковую красоту, а для того, чтобы хоть как-то закамуфлировать костлявую спину. Каблуков у нее не было и в помине, и ступни сорок первого с половиной размера красовались все в тех же растоптанных коричневых сандалиях. Алена представляла, что скажет по ее поводу злобная лошадь с мегафоном, и слезы заранее наворачивались на глаза.

– Галь, может, ну его, – прошептала она, – ты иди, а мне-то куда...

– Ты что?! – зашипела Галина. – Бросишь меня тут одну? И какая ты после этого подруга?

– Ну я могу и в зале подождать...

– Нет уж, раз решились, надо идти до конца! – твердо возразила Галина. – И что нам эта лошадь? Да она сама в зеркало хоть раз в жизни смотрелась?

В их разговор вмешалась сливочная пампушка в оборчатой мини-юбке и кудельках, как у победительницы конкурса-смотра декоративных пуделей.

– Лошадь зовут Зоей, – доверительно сообщила она, – она сама из неудавшихся манекенщиц. Три года назад уехала покорять Москву, но ее оттуда быстро выперли. Вот теперь срывает злость на нас. Она будет балетмейстером конкурса, и первый отбор доверили ей.

– Первый? – ужаснулась Галина. – Значит, будут еще?

– Да, но первый – самый важный, – улыбнулась девушка-пудель, – главное прорваться через эту мегеру Зою. А дальше будут смотреть москвичи – какая-то фифа из модельного агентства и знаменитый фотограф. Уж у них-то нет никаких счетов к чужой красоте. Отбирать будут по-честному.

Алена подумала, что девушке-пуделю на «честном» отборе ловить уж точно нечего – приятно упитанная, фарфорово-гладкая, с красивым розовым румянцем и упругими тугими складочками, она могла бы стать ведущей кулинарного шоу или выразительной своей плотью позировать маститым художникам. Но не моделью, не королевой красоты.

Тем временем подошла очередь Галины, которая перед выходом на сцену слегка побледнела под загаром и обморочно пошатнулась на высоких каблуках. Алена прошипела ей в спину: «Ни пуха ни пера!», но Галочка ничего не ответила – заученно покачивая бедрами, она плавно двинулась на сцену.

– Так, покрутитесь! – скомандовала лошадиная Зоя. – А что, неплохо! Какой у вас рост?

– Метр семьдесят два, – срывающимся голосом проблеяла Галочка. И куда подевались ее уверенность и прыть?

– Маловато, – процедила «лошадь», – а впрочем... Ладно, девушек международного стандарта тут все равно нет. Так что, может быть, у вас и получится. Возьмите у администратора анкету и приходите послезавтра на репетицию!

Из-за сцены Алена услышала радостный визг подружки. И тут же раздался требовательный приказ: «Следующая!»

Шла прямо, словно аршин проглотила. Без улыбки, как холодная Снегурочка. Под внутренний счет неловко переставляла ноги. Остановившись в свете прожектора, зачем-то положила руки на пояс – как малышка на детсадовском утреннике. Кто-то в зале глумливо хохотнул. Кто-то свистнул с заднего ряда. Пульсирующий румянец горячими волнами бился в ее щеки изнутри. Опустила глаза – взгляд уткнулся в сандалии, которые в безжалостном свете прожектора казались совсем раритетными. Из обтрепанных ремешков торчали нитки, на косточках у больших пальцев кожа слегка протерлась и побледнела. Сандалии ей купили в мужском отделе универмага. Достать изящную обувь ее размера практически не представлялось возможным.

Мысли о туфлях стали ее психологическим спасательным кругом. Почти обнаженная, робко ссутулившаяся, красная от стыда, Алена Соболева стояла на сцене и упорно думала о туфлях. Лишь бы не поднимать глаза и не видеть ухмыляющуюся физиономию Зои.

– И откуда только такое чудо к нам пожаловало? – наконец раздался резкий Зоин приговор. – Возраст, рост!

– Шестнадцать лет, метр восемьдесят пять, – прошелестела Алена, – мне можно идти?

– Куда это ты собралась? И почему так сутулишься? Распрямиться можешь или хронический сколиоз?

Заторможенно, как на медленной перемотке, Алена подняла подбородок, кое-как расправила плечи и выпятила вперед почти непроглядывающиеся холмики неразвитой груди.

– Другое дело, – подбодрила ее Зоя, – а почему такое постное лицо? У тебя зубов нету, что ли?

– Почему нет зубов? – удивилась она.

– Тогда улыбнись, покажи!.. А что, даже почти белые. Конечно, красавицей тебя не назовешь. Но такие дылды хорошо смотрятся со сцены. Так что для кучи подойдешь. Получи анкету у администратора.

– Вот здорово, что нас приняли! – трещала Галочка, когда они возвращались домой. – Это просто невероятно!... Почему ты такая отмороженная?! Как будто бы знала заранее, что так будет. Признайся, что ты и надеяться не могла! Даже надеяться!

Алена плелась за ней, машинально передвигая ноги, и ей все казалось, что она спит. Нервического энтузиазма Галины она разделить не могла, поскольку никогда о возможностях такого рода не мечтала. Не мечтала плавно ходить под лучами софитов, и чтобы все обсуждали твои достоинства, как будто бы ты ярмарочная корова, а не человек со средним образованием. Не мечтала носить эксклюзивные вещи и получать за это солидные гонорары. Не мечтала улыбаться по команде, позировать, красоваться. Все это была не ее стихия. Ее словно с кем-то перепутали, как в комедии с переодеваниями. И вот теперь Алена не могла понять, что ей делать с новой ролью, свалившейся как снег на голову.

– Не надеялась, – послушно подтвердила она.

– А завтра первая репетиция! – от перевозбуждения Галочкино смазливое лицо покрылось блестящей пленкой пота. – Слышала, надо взять с собой каблуки и что-нибудь удобное?

– У меня нет каблуков, ты же знаешь. Какие каблуки – с моим-то ростом. И вообще, не пойду я завтра никуда. Это же просто смешно! – Алена остановилась и удивленно, ни к кому конкретно не обращаясь, повторила: – Смешно! Ты – понятное дело, тебе сам бог велел стать королевой красоты. Но я, я-то куда прусь?

– Хочешь сказать, что никогда не мечтала быть красавицей? – прищурилась Галина.

– Нет, – честно призналась Алена, – зачем мечтать о том, чему не суждено сбыться?

– И что, тебе никогда не было завидно? Когда за другими девчонками кто-то ухаживал, когда ими кто-то восхищался, а ты всегда оставалась в стороне? Неужели не хотелось поменяться с ними местами?... И неужели тебе не обидно, когда тебя дразнят?

– Обидно. Но не вечно же это продлится, – рассудительно заметила Алена, – мама говорит, еще максимум года три потерпеть осталось.

– А потом? – насмешливо спросила Галочка.

– А потом мы станем совсем взрослыми, и всем будет не до дразнилок, – улыбнулась Алена.

– И все равно, ты должна пойти. Хотя бы ради меня.

– Ради тебя я уже сходила на кастинг.

– Думаешь, этого достаточно? – тоном избалованной любовницы поинтересовалась Галина. – И потом, что ты собираешься завтра делать? Шляться по городу, поехать в гордом одиночестве на речку или полоть морковку на даче?

Об этом Алена как-то не подумала. Полоть морковку не хотелось, так что, учитывая Галочкино отсутствие, лучшей перспективой завтрашнего дня было унылое чтение на тенистом балконе.

– Тебе же необязательно принимать участие в самом конкурсе! – Галина профессионально овладела навыками манипулирования слабохарактерной (как ей казалось) подружкой. – Можно будет в любой момент соскочить. Но на репетицию ведь можно прийти. Ну же, давай, это будет весело!

И, как всегда, Алена не устояла перед ее энергичным напором.

– Ну ладно, – с унылым вздохом согласилась она, – если уж ты настаиваешь...

А дома разразился скандал – неожиданный и экспрессивный. Алена никак не могла предположить, что ее маленькая семья – мама и бабушка – так отреагирует на невинную новость о конкурсе. Она-то просто похвастаться хотела. Алена знала, что в глубине души и бабушка, и мама горько переживают ее в некотором роде неполноценность. Она научилась относиться к этой досадливой жалости философски. Конечно, им хотелось бы, чтобы их любимая девочка была самой-самой – красивой, обворожительной, популярной. А не костлявой дылдой с неиз-

менным выражением вселенской тоски на удлинённом лице. Однажды она подслушала их кухонный ночной разговор на полутонах. И выяснила, что ее папа, которого она никогда не видела, был исполинского роста. Аленина мать познакомилась с ним в студенческом лагере. Кажется, он был спортсменом, кажется, из Москвы. И вроде бы Аленина мама до последнего момента надеялась, что он заберет ее и женится, иначе она непременно сделала бы аборт. Но двухметровый красавчик не хотел впускать в свою размеренную столичную жизнь беременную лимитчицу. Вот и получилась из Алёны безотцовщина. «Мало того, что всю жизнь мне искалечил, так еще и ребенка наградил геном роста, – шипела мама, – кому она теперь такая понадобится?!» Но это так, неважно, а главное...

– Не пушу! – басовито вопила бабушка, уперев натруженные красные кулаки в крутые бока. – А то я газет не читаю! А то я не знаю, что там творится, на конкурсах этих!

– Бабуль, но это же не совсем настоящий конкурс, – пробовала робко возразить Алёна, – подумаешь, походить по сцене в нашем ДК.

– В купальнике? – недобро прищурилась бабушка. – Да? А в зрительях небось будут извращенцы сидеть. Фу!

– Но Галя пойдет...

– С твоей Галей давно все ясно, та еще прости господи! Только и умеет, что рожу размазывать да юбки обрезать по самое не балуйся.

– И правда, Алёнушка, – робко вторила мама, – ну куда тебе на конкурс красоты? Ты же не Софи Лорен.

Алёна не то чтобы в самом деле хотела участвовать в этом злополучном конкурсе, но все же она не так давно вышла из возраста непримиримого максимализма и все еще по инерции любила противопоставлять себя окружающим.

– А может быть, Софи Лорен тоже дразнили в школе, – пробурчала она.

– В общем, никаких конкурсов! – категорично заявила бабушка, для большей убедительности стукнув кулаком о стол.

Бабушка у Алёны была волевая, боевая и в семейной расстановке сил привыкла брать на себя мужскую роль.

– Ну и ладно, – неожиданно легко согласилась Алёна, а сама подумала: «Ведь репетиция – это еще не конкурс, правда же?»

На следующий день балетмейстер Зоя учила их ходить на раз-два-три.

– Раз – поднимаем колено, – хорошо поставленным голосом вещала она, – два – ставим ногу на пол. Три – отводим в сторону бедро... Так, Иванова, ты у нас кто, вокзальная шлюха или начинающая модель? Не вилай жопой, а то отвалится!.. Валеева, не задирай ноги, как конь на джигитовке! Соболева, не сутулься! Раз, два, три! Раз, два, три!

Их было двадцать пять, нескладных застенчивых девочек. Каждая уже мысленно саму себя короновала и теперь, смакуя, рассуждала о прилагающихся к титулу бонусах – внимании местной прессы, спонсорских подарках, всеобщем восхищении. Среди них было только три профессиональные модели. Они держались особнячком и немного надменно поглядывали на путающихся в длинных конечностях соперниц. Одна из них засветилась в рекламном ролике туалетного мыла, который крутили по кабельному N-скому телевидению. Другая снялась в клипе местной поп-знаменитости. Третья пока ничем особенным не отличилась, зато собиралась осенью отправиться за счастьем в Москву, что в глазах других добавляло ей баллов. Вели себя девицы как звезды, и когда Алёна рискнула попросить у одной из них зажигалку (причем она даже не курила, просто хотела хоть как-то влиться в новый коллектив), молча переглянулись и рассмеялись, как будто она сказала что-то неприличное. Алёна сконфуженно отошла и с тех пор держалась от самозванных звезд на почтительном расстоянии.

В основном все были старшеклассницами или первокурсницами. Все как на подбор высокие, худенькие, и рядом с ними Алена в первый раз в жизни не чувствовала себя изгоем, хотя и была, как водится, выше всех минимум на полголовы. Но никто и не думал дразнить ее коломенской верстой или глумливо просить достать воробушка. А одна девушка, тихое блондинистое создание в золотых лосинах, даже застенчиво призналась:

– Ах, как я тебе завидую!

– Это еще почему? – изумилась Алена.

– Ты такая высокая, у тебя больше шансов, – бесхитростно призналась будущая соперница, – ты что, не слышала, что в модельном бизнесе в первую очередь обращают внимание на рост?

– Я как-то об этом не задумывалась, – рассмеялась Алена, – какая из меня модель?

– Чудная ты, – улыбнулась блондиночка.

На репетицию пришла и та, о ком все отзывались с уважительным ужасом, к кому приклеили произносимый торжественным шепотом ярлык «московская фифа». Хозяйка модельного агентства Podium Addict Марина Аркадьевна Хитрюк. Сначала Алене показалось, что она совсем молоденькая – чуть старше самих участниц. Она была миниатюрной статуэткой с изящно блондированной копной длинных волос (глядя на произрастающую на ее хорошенькой голове роскошь, девушки притихли, и никто из них не понял, что пряди-то – нарощенные). Розовые губки бантиком, шифоновое платье интеллигентно-розового цвета, серебристые туфельки, тонкий голосок, залихватский смех-колокольчик – она вся была неземной, волшебной, словно сошедшей с журнальной странички. И только приглядевшись повнимательнее, Алена с изумлением поняла, что этой девочке-припевочке никак ни меньше сорока лет. Да и производимое Мариной Аркадьевной впечатление солнечной беззаботности оказалось обманчивым. В первый же день она уволила четверых конкурсанток – одна показалась ей похожей на Жерара Депардье, у другой был неприятный визгливый голос, третья носила очки, а снимая их, некрасиво шурилась, четвертая же была истинной красоткой, но умудрилась Марине Аркадьевне нахамить.

– Вы должны понимать, что конкурс – ваш шанс, девочки, – говорила Хитрюк, – а шанс выпадает тем, кто упорно трудится. Сами видите, незаменимых нет. Конкурс красоты – это не кастинг на журнальную обложку. Со сцены вы все смотрите примерно одинаково. За косметикой жюри и не разглядит ваших лиц. Конечно, будет каталог с вашими фото, но это все не то. Вы должны держаться как королевы. Только так есть шанс привлечь к себе внимание.

Алена покосилась на Галочку. Та раскраснелась, расправила плечи и все время приподнималась на носочки – так уж ей хотелось стать той самой избранницей, которой выпадет счастливый билет! Она все время пыталась поймать взгляд Марины Аркадьевны. А когда ей это удавалось, расплывалась в такой искренней белозубой улыбке, что Алена, глядя на это, даже морщилась от необъяснимого отвращения. Ну как можно так подлизываться?! Неужели Галя думает, что прожженная стерва Хитрюк ничего не замечает?!

Но Марина Аркадьевна и правда, похоже, была падкой на лесть. В какой-то момент она подошла к Галочке и, за плечи развернув ее к окну, восхищенно цокнула языком:

– С такими губами ты далеко пойдешь, девочка.

Галина потом долго успокоиться не могла. Все торжествующе спрашивала Алену:

– Видела, как она на меня посмотрела?

– Видела, – уныло соглашалась та.

– И как? Как? – бесконечно допытывалась Галочка.

– Восхищенно, – Алена словно роль читала.

– Вот именно! – торжествовала Галя, и глаза ее блестели так, словно она только что залпом опустошила бутылку мартини. – Знаешь, что мне кажется?

– Что?

– Что я выиграю этот чертов конкурс! – мечтательно зажмурившись, восклицала подруга.

– Это будет справедливо, – Алена не льстила, цыганистая Галочка и правда казалась ей самой эффектной конкурсанткой.

– А как ты думаешь... Я могу стать знаменитой моделью? Такой, как Клаудиа Шиффер или Надя Ауэрманн?

– Конечно, сможешь. Ты гораздо красивее Нади Ауэрманн.

– Вот и мне так кажется, – Галина самодовольно поводила смуглым плечиком, а потом, подозрительно нахмурившись, спрашивала: – Аленка, а ты мне точно не завидуешь?

– Точно, – смеялась Алена, – я тебе сто раз говорила, что этот конкурс меня не интересует.

– И то верно, – расслабленно вздыхала Галя, – а то мне кажется, на меня все так тарачатся... Конечно, я гораздо привлекательнее их всех вместе взятых, но нельзя же демонстрировать неприязнь так открыто!

– По-моему, ты преувеличиваешь.

– Ничего подобного! Вчера какая-то дылда уронила мою пудреницу, да еще и каблуком наступила на нее, дрянь! Уверена: она это сделала нарочно, от злости. А сегодня – я случайно подслушала – одна кривоногая мымра сказала другой кривоногой мымре, что у меня большой нос. У меня! – Галина расхохоталась, но тут же на хорошеньком ее лице появилось обеспокоенное выражение. – А ты что думаешь по этому поводу? У меня ведь маленький нос, да?

– Крошечный, – смеялась Алена, – у тебя самый миленький нос из всех носов, что я когда-либо видела.

– Мне всегда казалось точно так же! – радовалась Галя. – Везет же тебе, Аленка!

– Это еще почему?

– Ты совсем не волнуешься, все тебе по барабану. Ты можешь быть расслабленной, потому что никто не воспринимает тебя всерьез.

Алена промолчала. И правда – зачем рассказывать ревливой Галочке, что «московская фифа» как-то раз остановила ее в коридоре ДК и, задумчиво глядя Алене в лицо, сказала:

– Слушай, рыженькая, а в тебе что-то есть. У тебя просто каноническое лицо, правильное. С тебя иконы бы писать. А ноги вообще сумасшедшие. Ты никогда не задумывалась о том, чтобы стать профессиональной манекенщицей?

И смущенная Алена ответила:

– Нет. Я преподавателем хочу стать. В следующем году в институт поступаю.

– А я бы на твоём месте все-таки подумала, – покачала безупречно уложенной головой Марина Аркадьевна.

Алена удивилась несказанно и, несколько раз прокрутив в голове этот диалог, решила: либо у этой Хитрюк проблемы со зрением, либо она просто решила над Аленой подшутить.

А к подобным шуткам Алена Соболева уже давно успела привыкнуть.

– И где же ты пропадаешь целыми днями? – удивлялась бабушка за ужином. – То дома сидела, не вытащить ее. А теперь с самого утра соберется, утопает куда-то, только ее и видели...

– Мы с Галочкой записались в спортклуб, – бодро соврала Алена, – на тренажерах занимаемся, мне нравится очень.

– Какие тебе тренажеры, ты и так крепыш из Бухенвальда, – ахнула мама, – вот, скушай лучше оладушек.

– Не хочу, – Алена с равнодушным видом грызла зеленое яблоко.

На самом деле от голода у нее сводило желудок. Но все остальные конкурсантки соблюдали строжайшие диеты и все время детально обсуждали добровольные гастрономические пытки. Кто-то сидел на кефире, кто-то ел только продукты зеленого цвета, кто-то, позволив

себе кусочек тортика, безотлагательно мчался в туалет, запускал два маникюренных пальчика в глотку и устраивал сеанс очищающего блевания. Алене тоже хотелось поучаствовать в разговоре, но ей было нечего сказать – она всю жизнь ела что хотела и не поправлялась ни капельки. Галочка называла ее королевой метаболизма.

Как-то незаметно для себя самой Алена втянулась в это абсурдное действо под названием «конкурс красоты местечкового масштаба». Может быть, все дело в привычном для нее амплуа изгоя – в школе и во дворе ее выдразнивали, общаться с нею означало опозорить себя в глазах общественности, а здесь никто и не думал глумиться над ее ростом, неловкостью, размером ноги? И даже наоборот, все держались так, словно высокий рост – это престижно. А кто-то – вот чудные – Алене даже завидовал.

Однажды у нее пропала помада – копеечная помада *made in china*, которую она купила в ларьке в качестве скромного доказательства собственной женственности. Сначала Алена не придала этому инциденту никакого значения – ну пропала и шут с ней, невелика потеря. А потом одна из участниц, молчаливая волоокая Гуля, отозвала ее в сторонку и горячо прошептала:

– Алэн, я тут видела, как эти, – она кивнула в сторону троицы профессиональных моделей, – в твоей сумке рылись. Кажется, сперли что-то. Какой-то маленький тюбик.

– Неужели помаду мою? – изумилась Алена. – И зачем она им понадобилась?

– Точно, помаду! Они ее растоптали и смеялись при этом, как придурочные.

– Бред какой-то... – она даже не знала, как на это известие отреагировать.

– И ничего не бред. По-моему, они тебя ревнуют. Зойка тут сказала, что ты перспективная.

– Шутишь? – недоверчиво улыбнулась Алена. – У меня вообще в последнее время такое ощущение, словно меня поместили в сумасшедший дом...

Одна девушка сразу выделялась на общем фоне. Сначала Алена с Галей решили, что она костюмер или ассистент хореографа, – она носила как минимум сорок шестой размер и имела до того кривые ноги, словно все детство провела, кочуя на лошади по бескрайним степям. Но нет – выяснилось, что это участница. И не просто рядовая подиумная рабочая лошадка, а... будущая «Мисс N-ск»! Об этом насплетничала им все та же блондинка в золотых лосинах, которая когда-то восхищалась Лениным ростом.

– Как, вам разве не сказали? – ахнула она. – Да тут все, похоже, знают, кроме вас. Это же Анжелика, дочка нашего спонсора! Он – хозяин сети бензоколонок, он купил ей корону, ему это раз плюнуть. Этот конкурс – подарок ей на день рождения!

У Галочки вытянулось лицо.

– Как это? Зачем же тогда все это? – она обвела рукой зал, прихорашивающихся девчонок, Зою, бодро покрикивающую на всех, кто к ней обратится.

– Я тоже сначала расстроилась. Да все огорчились, а у Нинки, – она кивнула в сторону худенькой брюнетки с пышными волосами, – даже случился нервный срыв. Но Зоя решила, что лучше предупредить всех заранее. Так что можно особенно не стараться, никто не оценит.

– Но это же... ужасно! – задохнулась Галочка, и Алена на всякий случай поддержала ее за локоть, потому что вид у подруги был такой, словно она собиралась хлопнуться в обморок. – Почему же эта Хитрюк врала, что конкурс – наш шанс?!

– А что ей было говорить?... И потом, на тот момент они еще собирались играть в закрытую.

– А что, если я позвоню в местную газету? – вскинула подбородок Галя. – И расскажу им об этом произволе? Думаю, они заинтересуются.

– Может быть. Только Анжеликин папаша потом навешает тебе таких люлей, что мало не покажется. Тебе ножек своих не жалко, что ли? Хочется, чтобы их переломали?

– Но... Но зачем мы вообще тогда нужны?

– Мы – просто статисты, – спокойно улыбнулась блондиночка, – ну и что? Во-первых, нас бесплатно научат ходить. Во-вторых, сделают красивые профессиональные фотографии. В-третьих, говорят, что нам оставят вечерние платья, в которых будет финальный выход. В-четвертых, там же будут и другие призы. Приз зрительских симпатий, например. За него дают цветной телевизор.

– Но это нечестно! – воскликнула Алена, расстроившаяся за Галочку.

– А кто тебе сказал, что модельный бизнес – это честно? – философски вздохнула блондиночка.

Усыпанная дешевыми стразами корона из самоварного золота – девчонки посматривали на нее с такой жадностью, а на ее будущую обладательницу – с такой ледяной ненавистью, словно это был экспонат из Оружейной палаты.

Об истинной ценности главного приза догадывалась, похоже, только Алена. Остальным почему-то казалось, что аляповатая корона – символ иного мира, где царит счастье, красота, астраханская икра на завтрак и Джордж Клуни вместо ужина.

Самой противной была почему-то та самая дочка хозяина бензоколонок, широколицая дурнушка по имени Анжелика, которой совсем не шло столь нежное имя.

Анжелика держалась так, словно в ее активах было проживание в мраморном дворце, сватовство европейских баронов и закадычная дружба с Пэрис Хилтон. С другими она разговаривала нехотя, сквозь зубы (а зубы эти, к слову, были отвратительными – неровными пеньками торчали из десен, к тому же местами подгнивали).

С высоты своих ста восьмидесяти пяти сантиметров Алена посматривала на ее сто шестьдесят два со снисходительным интересом. Стремление человека к славе понять в принципе можно. Но зачем, думала Алена, стремиться прославить именно свою красоту, если ноги твои кривы, как N-ские переулочки, а глаза близко посажены, как у шимпанзе? Почему не стать певицей или исполнительницей характерных ролей? Зачем становиться всеобщим посмешищем?!

Риторический вопрос.

Тем временем до конкурса оставалось всего несколько дней.

– Улыбайтесь!.. Нет, не улыбайтесь! – сказал фотограф Валерий Рамкин, а сам подумал: «Вот корова желтозубая!»

Полным ходом шла съемка для каталога конкурса «Мисс N-ск». Такой каталог будет в руках у каждого члена жюри, чтобы те смогли рассмотреть конкурсанток поподробнее.

Валера Рамкин честно отрабатывал нехилый гонорар, он даже старался держаться бодренько и машинально с девушками заигрывал, но на самом деле ему хотелось плакать от разочарования. Не так он представлял себе эту командировку, совсем не так.

За последний час он успел полюбоваться на таких «красавиц», которые при желании могли без грима играть в ужастиках. Глядя на очередную претендентку на звание «Мисс N-ск», он с досадливым отвращением думал: ну что заставило ее податься в королевы красоты, ну неужели она искренне верит в возможность своего успеха?

А начиналось все так красиво...

Истинный романтик, он с энтузиазмом воспринял идею поработать штатным фотографом сибирского конкурса красоты. Воображение услужливо подбрасывало образы истинных красавиц – не облагороженных визажистами шалашовок, а настоящих полевых розочек, юных, свежих, улыбчивых, застенчивых. За годы работы в модельном бизнесе ему успела приесться

растиражированная глянцева красота. Похожие друг на друга холеные лица, идеально гладкие подмышки, ни одной морщинки на лбу, бантикообразные пухлые губки, ни бугринки, ни царапинки – вся эта обезличенная идеальность не имела с истинной красотой ничего общего. Ухоженные, «обработанные» модели напоминали ему пластмассовых кукол – красивых, но каких-то безликих. Хотелось изюминки, легких изъянов, искренности, наконец.

И как жестоко он разочаровался!

Одна девушка напоминала солиста группы KISS, ноги другой покрывала сизая поросль жестких волос, третья картавила, у четвертой была такая расщелина между передними зубами, что ее хотелось замаскировать коронкой, у пятой – низковатый зад, у шестой – обезьяний лоб, как у «человека умелого» из иллюстрации учебника по истории.

Валера не знал, что девушек подбирали с учетом того, чтобы будущая победительница смотрелась на их фоне не слишком убого. Конечно, попадались и не совсем жуткие девушки – но все равно, их банальным кукольно раскрашенным мордашкам было далеко до класса премиум.

И вдруг...

Та девушка была похожа на эльфа.

Точеное личико в веснушках, слегка раскосые глаза цвета штормового моря, медные волосы, рост амазонки. В первый момент Рамкин даже потерял дар речи – настолько удивительным было встретить эту жемчужину среди самоварных королев. А эльфийская принцесса сибирского разлива истолковала его замешательство по-своему. Смутилась. Сконцентрировала взгляд на носочках своих немодных лакированных туфель. Ссутулилась слегка. И сказала:

– Я у вас много времени не отниму. Понимаю, что мне здесь ничего не светит. Я с подружкой пришла, за компанию. Так что давайте отщелкаемся по-быстренькому, и я пойду.

Алене казалось, что она может прочесть мысли этого милого румяного шатена с мягкими, как у рисованного амура, кудряшками и съехавшими набок очками. Ей казалось, он думал: «Ну что эта каланча о себе возомнила, неужели у ней нет ни ума, ни совести? Приперлась на конкурс красоты... людей посмешить, что ли?» Молодой фотограф смотрел на нее растерянно, опустив объектив, и ей стало обидно. Соленый туман неприятных ассоциаций (освистывание уличных хамов, бестактное глумление одноклассников) застил глаза. Этот Рамкин ничего неприятного не сказал, но... Мог бы хотя бы сохранить лицо. В конце концов она ничем не хуже тех, кого он фотографировал пятью минутами раньше. Просто габариты у нее нестандартные, вот и все.

А сам Валерий Рамкин, естественно, не мог и догадываться о комплексах рыжей небожительницы. Поэтому, когда на ее щеках вспыхнул пятнистый румянец, а в уголках глаз блеснули злые слезы, он попятился назад. Она выглядела величественной и красивой, эта волшебная девушка.

– Ладно, не больно мне и нужен этот каталог! – вздернув подбородок, она устремила к двери. Угловатая, немного неловкая.

Он едва успел ухватить ее за локоть.

– Стойте, стойте! – Рамкин потер ладонями виски. – Я просто обомлел... Не сердитесь. Видите, мелом круг нарисован? Становитесь в центр!.. погоди, ты плачешь, что ли? – опухший кончик носа и крупная слеза, воровато проскользнувшая по щеке, делали красавицу более человечной, вот он и перешел на «ты».

– Сам не видишь? Дай уйти... Чего мне фотографироваться в таком виде? Людей смешить!

– Да нормальный у тебя вид! У меня есть грим, всегда вожу на всякий случай с собой. Сейчас умоешься, успокоишься. А я пока всех остальных снимаю, чтобы с тобой как следует поработать... Ты уж меня прости, я просто обомлел, когда тебя здесь увидел.

– Цирк уродов на конкурсе красавиц? – хмыкнула Алена.

– Что? – не понял Валера.

– Не волнуйся, я себе цену знаю. В гробу я видела этот ваш конкурс. У меня подруга есть, красивая, вот с ней за компанию и пришла. А что мне делать, последнее школьное лето. Постою на заднем плане, получу подарок от спонсора. Бесплатную заправку на бензоколонке. Правда, мне эта заправка на фиг не нужна, машины-то у меня нет, – ее голос выровнялся, поглубел.

Самой Алене ее собственный монолог казался воплощением цинизма – и это, как ни странно, ободряло. Она почувствовала себя спокойной и взрослой. Да, не красавица, так что же теперь? Зато она не питает свойственных шестнадцатилетним иллюзий. А значит, у нее есть фора, чтобы крепче на ноги встать.

Валера посмотрел в ее разгоряченное лицо, потом на ее руки, в которых она нервно теребила ручку затасканной джинсовой сумочки... и неожиданно понял все. Прочитал в глазах этой звонкоголосой девочки ее прошлое.

– Какой у тебя рост? – тихо спросил он.

– Метр восемьдесят пять, – с некоторым вызовом ответила Алена.

– Понятно, – вздохнул Рамкин, поправляя ремень «Никона», – уже лет в двенадцать ты была на голову выше своей мамы, с тринадцати тебя высмеивали сверстники, тебя не приглашали на свидания, и теперь ты чувствуешь себя лишней.

– Какая проницательность.

– Вот что, красота моя... как тебя зовут? – Рамкин сверился со списком участниц конкурса. – Соболева?

– Она самая.

– Вот что, Соболева Елена Матвеевна, – торжественно произнес он, – то, что мы встретились, – судьба!

В свои шестнадцать лет Алена Соболева не была девственницей. Обделенная первой детской любовью – всеми этими школьными шуры-мурами с провожаниями до дома и подбрасыванием шоколадок в портфель, – она разделалась со своей невинностью по-деловому, с прохладным любопытством лаборанта.

Было больно, липко, скучно, и мужчину того она так ни разу в жизни больше и не видела. Он был неместный, приехавший в Н-ск откуда-то издалека – не то журналист, не то культуролог. Взрослый – ему было слегка за сорок, но ей, четырнадцатилетней, он казался почти стариком. У него была шершавая обветренная кожа, жилистое тело, седина на висках и татуированный тарантул на лопатке. Он сам к ней подошел – кажется, спросил дорогу. Черт его знает, что он в ней нашел. Может быть, просто подумал, что секс с такой великаншей – это пикантно. Алена не сказала, сколько ей лет, да он и не спрашивал. Они выпили кофе в гостиничном ресторане, потом провели в его номере полтора часа. Увидев кровь на простыне, он понимающе ухмыльнулся: «Месячные?» Алена кивнула. На прощание он сунул в ее ладошку скомканную бумажку со своими координатами, которую она, выходя из гостиницы, выбросила, даже не взглянув.

Алена верила в любовь.

Иногда она подворовывала из маминой тумбочки тонкие книжки в карамельно-розовом переплете, на обложках которых мускулистые брюнетистые мачо обнимали полуобморочных синеглазых дев. Она читала их тайком, по ночам, забравшись с головой под одеяло и подсвечивая карманным фонариком. Там, в книжках этих, утверждалось, что любовь ни с чем перепутать нельзя, а самые верные ее признаки – легкий озноб, участившееся сердцебиение и «сладкое дрожание чресел» (почему это чресла должны дрожать, как руки алкоголика, она до конца не поняла, но так было написано в романе, честное слово).

О «сладком дрожании чресел» она почему-то вспомнила, прогуливаясь по парку с Валерой Рамкиным.

– Ты – будущая звезда, – с жаром говорил он, – Аленка, ты же сама не понимаешь свою уникальность! С ума сойти, если бы я тебя не встретил, то ты так бы и прозябала в этой глуши, да еще считалась бы уродиной!

– По-моему, ты преувеличиваешь, – улыбнулась Алена. Хотя слушать, как он ее нахваливает, было приятно. Даже если это все неправда. Даже если за этим ливнем комплиментов просматривается тривиальная мужская ловушка с буднично-эротическим подтекстом.

– Конечно, в конкурсе этом у тебя шансов нет. Ты же сама, наверное, знаешь, что все оплачено.

– Победит Анжелика, дочка спонсора, – кивнула Алена, – и ничего страшного.

– Но все равно, ты должна уехать с нами в Москву. Я тебя познакомлю с Мариной, она хозяйка модельного агентства. Она может тебя так раскрутить, что мало не покажется.

– А ей-то это зачем?

– Ты не понимаешь! – взвился Рамкин. – Потому что на тебе она миллионы заработает. Да таких, как ты, – единицы! Во всем мире! Потом вспомнишь мои слова. Ты в Москве ненадолго останешься, тебя тут же увезут в Нью-Йорк или Милан.

Алена зябко поежилась. Несмотря на то что вечер был теплым, по ее телу время от времени пробегала неприятная волна колючих мурашек. Тонкие белые волоски на руках становились дыбом, твердели соски. Что он несет, этот кудрявый нервный фотограф?! Какой Нью-Йорк, какая Москва? Может быть, вместо линз в его очки вставлены кривые зеркала, и он видит Алену другой, красивой? Или он под кайфом? Ее подруга Галочка с понимающим видом говорила ей, что в модельном бизнесе все под кайфом – правда, при этом она косилась не на Рамкина, а на хозяйку агентства Марину Аркадьевну. Алена подозревала, что Галочка испытывает к этой холеной богатой красавице необоснованную личную неприязнь.

– Валера, мне очень приятно, что ты все это говоришь... Я, правда, не понимаю, почему ты это делаешь. Может быть, тебе хочется меня утешить, а может быть, – в этом месте ее голос слегка дрогнул, – тебе интересно со мной переспать...

Рамкин обреченно вздохнул. Женское самосознание эльфийской принцессы оказалось стойкой крепостью.

– Переспать с тобой, конечно, небезынтересно, – усмехнулся он, – но этого не будет. Алена, пообещай мне одно... Не упusti свой шанс. Уж я постараюсь сделать все, для того чтобы тебя пригласили в Москву. Понимаю, что у тебя здесь своя жизнь, какие-то планы... В институт, наверное, поступать собиралась?

– В Педагогический, – слабо улыбнулась она.

– Вот видишь. Родители придут в ужас, когда ты им скажешь.

– Скажу что?

– Алена, поговорим об этом после? – он слегка сжал ее руку. – Просто я хочу, чтобы ты помнила: Педагогический никуда от тебя не убежит. А вот шанса стать супермоделью, может быть, больше не представится.

Рано или поздно это должно было случиться.

Алена решила, что будет лучше, если она сама признается бабушке и маме. Два дня она не спала, пытаясь мобилизовать моральные силы, два дня нервничала, не знала, с какого бока подойти, проигрывала в голове возможные сценарии семейной потасовки (вымышленный финал всегда был разным – она то сдавалась и позволяла запереть себя дома в обществе учебников и телевизора, то гордо хлопала дверью, уходя в новую жизнь).

И вот наконец – дело было за ужином – решилась.

– Ма, ба, мне надо кое-что вам сказать, – выпалила она, глядя в еще не наполненную густой геркулесовой кашей тарелку, – не знаю, как вы к этому отнесетесь, но я все для себя

решила... Я же взрослый человек, вы сами всегда говорили... Да? – почему-то во время лаконичных репетиций перед зеркалом она держалась куда более уверенно. – В общем... я...

Мама и бабушка переглянулись, и последняя вдруг сказала:

– Угомонись. Мы все знаем.

Алена удивленно на нее уставилась.

– Знаете что?

– О тебе написали в газете, балда, – мрачно сказала бабушка.

– В... к-какой еще газете? – на нервной почве Алена начала заикаться.

С тяжелым вздохом бабушка извлекла из объемистого кармана кухонного передника скомканную газетную страничку. Алена взглянула и обомлела – центральную полосу занимала ее фотография! Это она, Алена Соболева, безмятежно улыбалась с газетных страниц! Там и подпись была – «Одна из участниц конкурса, подающая надежды шестнадцатилетняя модель Алена С.».

– И... как давно вы это прочитали?

– Больше недели уже, – вздохнула мама, – все ждали, соизволишь ли ты нам сказать или опять соврешь.

– Я не врала! – горячо запротестовала она. – Я... я пыталась выжить!

– Что-о? – грозно протянула бабушка.

Алена на всякий случай встала из-за стола и отступила на несколько шагов назад, хотя едва ли могла предположить, что семидесятилетняя старуха набросится на нее, гремя поварешками.

– Я в первый раз почувствовала себя человеком! – волнуясь, выкрикнула Алена. – Человеком, а не изгоем, над которым все смеются! Я впервые в жизни поняла, что тоже могу стать красивой! Что я и есть красивая!

– Да не ори ты, – мама досадливо поморщилась и подперла подбородок рукой, – садись давай, каша стынет. Мы приняли решение... Участвуй в своем конкурсе, если это так для тебя важно.

– Я... я правда могу? – недоверчиво переспросила она.

У мамы было такое лицо, словно она сейчас расплатится.

– Кто знает, вдруг и правда что-то из тебя получится? Вон даже в газете написано, что ты подающая надежды! Получается, весь город на тебя надеется, а мы вставляем палки в колеса.

– И все равно я категорически против, – пробурчала бабушка, – знаю я этот модельный бизнес. «Комсомолку» читаю регулярно.

Но Алена не обратила внимания на ее будничное ворчание. Она бросилась маме на шею.

– Спасибо! Я знала, с самого начала в глубине души знала, что вы меня поймете!! Это и правда мой шанс, мой большой шанс!

– Ты не понимаешь! – чуть не захлебываясь от волнения, воскликнул Рамкин. – Она же как movie star! Это не ширпотреб, не очередная подиумная давалка! Эта Соболева – штучный товар, эксклюзив. Мы будем просто идиотами, если такую упустим!

Марина Аркадьевна слушала его со скучающим лицом. Они сидели в отдельной нише самого дорогого ресторана N-ска, дизайном и атмосферой напоминающего азиатский бордель. Пили белое вино сомнительного происхождения, ели шашлык в лаваше. Марина Аркадьевна, поджав губы, теребила край шейного платка Hermes.

Марина Аркадьевна была красива от природы (пластический хирург лишь слегка подкорректировал изящную линию ее греческого носа да жир из подбородка откачал), а в тот вечер она выглядела особенно сногшибательно. И тому была естественная причина.

Взрослая дама, хваткой питбуля вцепившаяся в утекающую сквозь пальцы молодость. В свои почти пятьдесят она выглядела максимум на тридцать пять. Ей была известна беспрогрышная формула:

СЕКС + ЛЮКС + БОТОКС

Первую составляющую должен был обеспечить этот милый мальчик, Валера Рамкин – так исподволь планировала она сама. Молодой фотограф, чем-то похожий на Орландо Блума (только более светлой масти и в очках), как никто другой подходил для командировочного романа.

Вообще-то, именно за этим она его с собою и пригласила. Каталогом мог вполне заняться и какой-нибудь местный фотограф – едва ли для обслуживания заштатного конкурса требуется особенный профессионализм. Но Марина давно положила на Рамкина глаз. В Москве устроить свидание не так удобно, а тут – словно специально подвернулся случай отведать его, юного, горячего, кудрявого.

За день до вылета Марина Аркадьевна сходила в солярий, сделала педикюр и побрила лобок. И вот теперь ее начавшее расползаться тело томилось-изнывало в кружевном плену давящего, но такого сексуального белья La Perla. А тот, кому был адресован ее невидимый порыв, страстно разглагольствовал о какой-то никому не нужной провинциальной «вешалке». Вместо того чтобы поступить по-мужски – а именно: опрокинуть ее, Марину Аркадьевну, на стол, порвать на ее груди цветастую блузу и приступить к страстному совокуплению с легкими элементами насилия.

– Стопроцентное попадание, бинго! – распинался Валера. – Она высокая и будет шикарно смотреться на подиуме. При этом у нее женственная фигура. И бедра узкие. А какое лицо! До этого момента я такие лица только в рисованных компьютерных играх встречал! То, что надо! Да все модельеры передерутся из-за нее.

– Валер, ну от меня-то ты что хочешь? – устало вздохнула Марина Аркадьевна. – Сам знаешь, что конкурс оплаченный. Нас пригласили для авторитета, на наш счет переведены деньги. Мы должны спеть дифирамбы этой кривоногой Анжелике, или как там ее... Я ничего не могу сделать для твоего... хм... сокровища.

– Можешь! – горячо возразил Рамкин и подлил ей шампанского. – Мы можем учредить специальную премию. Взять ее в Москву. Купить девчонке билет и снять на первое время квартиру.

Марина Аркадьевна изучающе смотрела на него из-под пушистых нарощенных ресниц. Ресницы ей сделали в Париже – абсолютный natural look, только в уголках глаз поблескивают еле заметные стразинки. Предполагалось, что это сделает ее взгляд колдовским. Но вот на Валеру Рамкина реснички за восемьсот евро не действовали. Куда больше его интересовала рыжая дылда с застенчивым, усыпанным веснушками лицом – Марина мельком видела ее на репетиции. Совершенно непонятно, отчего Рамкин так на нее запал. Девушка эффектная, никто не спорит, но для модели высоковата и, пожалуй, тяжеловата в кости. Но фотограф так горячо защищал ее интересы... С одной стороны, его пылкость раздражала, с другой – распляла Марино воображение. Если он так ведет себя в банальной застольной дискуссии, то каков же он в постели?

– Ты сошел с ума. С чего мне платить за эту девушку, когда у дверей моего агентства очереди из тех, кто сам купил себе билет?

– Ага, очередь второсортных девиц, у которых дома, видимо, висят кривые зеркала. Иначе бы они были в курсе своих коротких ног, жировых валиков и двойных подбородков. Сама же жаловалась, что у тебя нет свежих лиц! А тут такая девочка, и ты готова ее упустить.

А сама Алена и не подозревала, какие страсти раскипелись вокруг нее. В день конкурса у нее начались месячные, а в такие дни ей обычно нездоровилось. Проснувшись вялая, бледная,

с болезненной пульсацией внизу живота. Мелькнула предательская мысль: «А может быть, ну его, конкурс, к такой-то матери? Все равно я всего лишь статистка!» Но такого безобразия не могла допустить отличница внутри нее.

Алена вымыла голову, положила в сумку запасные колготки и новые туфли на каблучках, которые накануне ей вручила мама со словами: «Горюшко ты мое луковое! Если тебе так хочется, уж потешь себя, – а потом зачем-то, покачив головой, добавила: – Ну и пусть про тебя разное говорят, все равно ты у меня самая красивая!»

– Ну спасибо, мама, зарядила оптимизмом, – усмехнулась Алена.

Стоило ей открыть дверь гримерной Дома культуры, как ее захлестнула волна возведенной в куб нервозности. Полуголые девушки металась по комнате, сшибая зеркала и стулья. Кто-то разыскивал колготки, кто-то лихорадочно подкрашивал губы, кто-то завивал ресницы железным аппаратом, похожим на пыточный инструмент. Галочку она нашла в самом углу – та сидела на полу, прислонившись спиной к стене, и репетировала приветственную речь. «Всем привет, меня зовут Галина, я буду поступать в Педагогический и мечтаю стать королевой красоты!» Алена поводила ладонью у нее перед глазами.

– Ты похожа на зомби. Расслабься, ты знаешь, что ничего нам не светит.

– Привет! – Галина поднялась и чмокнула ее в щеку. – Знаю, но ничего поделать с собою не могу. Всю ночь не спала. Так и чудилось, что корону мне отдадут.

– Это невозможно, – вздохнула Алена, – вон, посмотри туда.

Они скосили глаза в сторону – там, перед отдельным зеркалом, прихорашивалась спонсорская дочка Анжелика. Для нее пригласили личного стилиста, манерного прыщавого отрока с претензией на голубизну. То есть гомосексуалистом он не был, но почему-то думал, что представители его профессии должны красить волосы, носить джинсы в обтяжку, пользоваться кремом для век и громко оповещать об этом слегка шокированных окружающих. Стилист этот зачем-то возвел на Анжеликиной голове пышную башню из мелких четко прорисованных кудряшек. Такая прическа совершенно не шла к ее круглому лицу, но никто, включая саму будущую королеву, этого не замечал.

– Наверное, он так сделал, чтобы Анжелка выше казалась, – желчно заметила Галина, – только вот зря старался. И теперь на ее голове – куча мусора. Правда же?

– Правда, если тебе так легче, – улыбнулась Алена.

– А ты почему это такая спокойная, звезда местной прессы? – прищурилась Галочка. – И вообще, кто это собирался в последний момент от конкурса отказаться? Кто всю дорогу твердил, что ему на фиг модельный бизнес не нужен?

– Ну я, я, – с улыбкой пожала плечами Алена, – но могла же передумать?... Сама не знаю, что со мной произошло? Наверное, просто почувствовала себя здесь своей.

– Ну-ну, – недоверчиво процедила Галина, – и что, теперь ты тоже мечтаешь о вселенской славе красавицы?

– Да расслабься ты, – Алену немного удивил неприязненный напор подруги, – ни о чем таком я не мечтаю. Мне просто весело. И главная моя миссия на этом конкурсе – не сверзиться с каблучков во время первого же выхода!

А дальше... Все было как во сне. Показ вечерних платьев прошел безупречно – глотнувшие шампанского девушки порхали по сцене, кружились, пританцовывали, улыбались. Даже в обычно сдержанную Алену словно бес вселился, и вместо отрепетированного с Зоей поворота она выдала лихое па из латиноамериканского репертуара. И куда только подевалась ее неловкость, ее врожденная манера сшибать углы и путаться в нескладных, как у олененка-переростка, конечностях?!

А потом набриолиненный ведущий, у которого не то от волнения, не то от хронического алкоголизма тряслась рука с микрофоном, задавал им каверзные, с точки зрения орга-

низаторов конкурса, вопросы. У Галочки, например, спросили, девственна ли она, и если да, то почему. На что она невозмутимо ответила, что в наше время глупо оберегать невинность, как пиратский клад. Потому что девственность – это давно не моральное качество, а просто физиологическая особенность. Легко рвущаяся пленка, часть слизистой оболочки человеческого организма. Зал ахнул, а на следующий день о дерзкой старшекласснице написали в местной газете, и статья имела банальное название «О времена, о нравы!».

По сравнению с этим Алене достался вполне невинный вопрос – мужчин какого типа она предпочитает. При этом не первой свежести ведущий так красноречиво поигрывал в ее сторону кустистыми светлыми бровями, видимо, намекая, чтобы она ответила – пошловатых блондинов с алкогольной зависимостью.

«Благородных», – сказала Алена, и от волнения у нее дрожал голос.

В середине первого ряда сидел Валера Рамкин, и встретившись с ней глазами, он широко улыбнулся и поднял вверх большие пальцы рук.

Последний выход – дефиле в купальниках. Одинаковые спортивные купальники черного цвета шли не всем. Алене, например, казалось, что в этом странном одеянии она выглядит как мультипликационный кузнечик.

И вот наконец на сцену потянулась вереница спонсоров и членов жюри. Приправленная стандартными «ой, я так волнуюсь» речь, после которой под барабанную дробь было торжественно произнесено имя дочери хозяина бензоколонок.

Низкозаядая Анжелика с достоинством выплыла на первый план – сплетничали, что специально для этого трехметрового прохода она целый месяц брала уроки дефиле. На ее кудлатую голову нахлобучили аляпистую корону, замелькали фотовспышки. Новоявленная королева красоты раскраснелась. Ее макияж слегка поплыл, отчего она стала похожа на злобно бухающую продавщицу из овощного ларька.

Алена устала. От избытка эмоций у нее слегка кружилась голова. К тому же целый день их не кормили, мотивируя это свинство тем, что животы претенденток на корону должны выглядеть максимально плоскими. Она уже собралась было, в последний раз улыбнувшись залу, отправиться за кулисы, когда вдруг на сцену поднялась «московская фифа» Марина Аркадьевна Хитрюк.

– А у меня сюрприз, – улыбнулась она, – модельное агентство Podium Addict выбрало свою королеву красоты. И наш специальный приз достанется...

Она выдержала эффектную паузу, а спонсорское отродье по имени Анжелика уже с готовностью шагнуло вперед и благодарно заулыбалось.

– ...достанется Алене Соболевой, номер двенадцать! – воскликнула Марина Аркадьевна.

Румянец схлынул с изумленно вытянувшегося Алениного лица, глаза недоверчиво распахнулись в сторону «фифы». Что она несет? Как же это так? Почему ее, Алену, ни о чем таком не предупредили... И, похоже, вообще никого не предупредили – иначе с чего бы это на нее с такой неприязнью таращится хозяин бензоколонок? Или... Или это то, о чем говорил Валера Рамкин? Тот самый шанс, который она не должна упустить?

Алена неуверенно шагнула вперед. В руках у Марины Аркадьевны был какой-то конверт. Хитрюк лукаво взмахнула им перед Алениным носом.

– Ну, мисс Podium Addict, как ты думаешь, что внутри?

– Н-не знаю, – пролепетала она, смущенная.

Все взгляды были устремлены на нее, все фотообъективы.

– Ладно уж, не буду всех томить. Это авиабилет до Москвы на имя госпожи Соболевой, – улыбнулась Хитрюк, – и уже подписанный мною контракт с модельным агентством Podium Addict. Отныне ты наша модель, Алена.

– Я... но что же это... Я должна отправиться в Москву? – на букве «у» ее голос предательски сорвался, что называется, дал петуха.

Все рассмеялись, а Алена привычно ссутулилась.

– Насильно мы тебя, конечно, не повезем. Но если ты сама этого хочешь и если сумеешь договориться с родителями... Поскольку ты несовершеннолетняя, в контракте потребуются и их подписи.

– Я... смогу! – вдруг выпалила она. – Да! Я согласна. Согласна принять ваш приз.

Зал взорвался аплодисментами. К Алене кто-то подходил, все ее поздравляли, тормошили, угощали шампанским, совали визитные карточки, фотографировали. Она и подумать никогда не могла, что она, местное посмешище, может быть интересной стольким людям сразу. Бойкая журналистка из местной газеты пыталась договориться с нею об интервью. И даже Анжелика смягчилась и, клюнув Алену в щеку (для чего ей пришлось чуть ли не подпрыгнуть), немногословно поздравила.

А в это время за кулисами, в самом дальнем углу заполненной возбужденными девчонками гримерной умывалась слезами Галочка, которой казалось, что мир раскололся на мозаичные куски и, как в калейдоскопе, сложился по-новому. В ее голове никак не укладывалось обстоятельство, что некрасивой Алене достался один из главных призов конкурса. А на нее, всеобщую любимицу, вообще никто внимания не обратил.

Галочке казалось, что внутри всепожирающей глянцевой кляксой расплзается завистливая чернота.

И не в силах с чернотой этой бороться, судорожно всхлипнув, она пробормотала:

– Вот чертова верста коломенская!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Бывает и так: живешь неторопливо, носишь белые носки и дешевые кофточки в горох, слушаешь немножко Шопена, немножко Билана, любишь пирожные «Корзиночка» и не веришь в Деда Мороза, зато в Антонио Бандераса – еще как! И вдруг...

Самолет, приторное шампанское и мужчина, лично знакомый с Наоми Кэмпбелл, говорит, что ты тоже ничего...

Алена вроде бы успела привыкнуть к мысли, что это все не сон. Но все равно – факты воспринимались обособленно от реальности, как будто бы она смотрела кино про саму себя.

В самолете Валера, как кот Баюн, рассказывал о том, какой будет она, Алена московская жизнь. Она слушала рассеянно, смеялась, верила и не верила одновременно, отвлекалась на облака, которые были совсем-совсем близко и так похожи на комки сахарной ваты из парка развлечений...

– Сначала зарегистрируемся в агентстве, потом я тебя где-нибудь покормлю и отвезу на квартиру, где ты будешь жить. У тебя будет свободный вечер, познакомишься с соседкой, отдохнешь, выступишься.

– Моя соседка – тоже манекенщица?

– Ну конечно, кто же еще! А утром поедешь в агентство, я договорился, тебе в долг портфолио сделают.

– В этом нет необходимости, – Алена рассмеялась немного жеманно, постепенно привыкая к неведомой роли красавицы, – фотографий у меня полно. И в полный рост, и в купальнике, и с конкурса, в платье. И портрет, и те, которые ты делал.

Валера вздохнул: наивность провинциальной принцессы и умиляла, и ставила в тупик. Там, в N-ске, он отчего-то был уверен, что поступает правильно. Но удобно устроившись в самолетном кресле, пригубив дешевого кисловатого шампанского, которое только такой неискушенной особе, как Алена, могло казаться напитком богов, а ему навевало лишь мысли о гастрите, Валерий впервые задумался: а имел ли он право с такой уверенностью изменить ее судьбу? Девушка о подиумной карьере не помышляла, в модельном бизнесе ни хрена не сообщает, только смотрит на него восхищенными глазами, ловит каждое слово и вздрагивает, когда он случайно касается ее руки. Справится ли она с Москвой, не станет ли незаметным звеном пищевой цепи модельного террариума?

– Аленочка, те фотографии, которые есть у тебя, никому не нужны, – мягко возразил он, – тебя снимают в разных образах – без косметики, вамп, беби-долл. Заказчику важно увидеть, что ты можешь быть разной.

– И мне за это заплатят? – заморгала рыжими ресницами она.

– Наоборот, за портфолио должна платить ты, – терпеливо объяснил Рамкин, – и стоит это довольно дорого... – глядя на ее округлившиеся глаза, он со вздохом добавил: – Но об этом можешь не волноваться. Обычно таким фактурным девушкам, как ты, портфолио делают авансом, за счет агентства. Потом отработаешь, рассчитаешься со временем.

– Я сразу начну работать?

– Это как повезет... Я постараюсь надавить на Маришу, чтобы на тебя обратили внимание. Тебе придется многому научиться. Соблюдать диету, брать уроки дефиле.

– Диету? – Алена посмотрела на свои костлявые коленки, обтянутые дешевыми колготками и такие острые, что об них чашки бить можно. – Я, наоборот, кашу по утрам наворачиваю, мне идет, когда щеки круглые!

– Об этом можешь забыть, – Валера откинул спинку кресла, – вообще, забудь обо всем, что тебе внушали. В Москве ты начнешь жить с чистого листа... Да не смотри ты на меня так, горюшко! Я уж тебе помогу.

Впервые поднявшись из метрополитеновского подземелья на «Пушкинской», Алена онемела, вросла в землю безмолвной Лотовой женой. Она сто раз видела это в кино, но разве может экранная плоскость достоверно передать эту пьянящую атмосферу карнавала, эту в первый момент пугающую какофонию, эту нокаутирующую роскошь витрин!

Пройдет время, она освоится, вырастет в этот город, как гриб-паразит в древесный ствол. Но Тверская навсегда останется Алениным личным символом роскоши. И много лет спустя, ступая тысячедолларовыми сапогами в изъеденную солью жижу возле мэрии или выходя из такси у Камергерского, она снова и снова будет превращаться в ту ослепленную Москвой девушку, смотрящую на город как на новогоднюю елку – затаив дыхание, снизу вверх...

Сразу из «Шереметьево» они поехали в центр. Аленины сумки принял невзрачный тип в кожаной кепке – предполагалось, что он отвезет вещи на квартиру, где ей предстоит жить. Алена и сама с радостью отправилась бы с ним – ей хотелось выспаться и принять душ, но ее спутник решительно сказал, что в шестнадцать лет усталость не имеет никакого значения.

– Привыкай, в Москве у тебя будет не так много времени на сон. Вставать придется рано, а показы иногда заканчиваются за полночь. Ну а сейчас тебе просто необходим заряд положительных эмоций. Для вдохновения.

Он напоил ее кофе в потрясающем ресторанчике с витринными окнами, нежным золотым светом и мраморными колоннами – от этой одурманивающей роскоши Алена оробела, замкнулась в себе. Валера вел себя так независимо, шутил с официанткой, заказывал что-то итальянское, труднопроизносимое. А ей было неловко за разношенные боты и ангорскую кофтенку на пуговицах, она машинально листала меню, которое казалось иностранной книгой, исполненной загадочных слов – «тирамису», «профитроли», «Фуа-гра», «сенча», «сашими»... Беззвучно шелестя губами, она читала по слогам, как магические заклинания, а потом скромно заказала «просто кофе с сахаром».

Они гуляли по тихим переулочкам у Патриарших, и в какой-то неприметной с виду лавчонке Валера купил ей серебряное колечко с необработанной бирюзой. У Алены замерло сердце – он так серьезно улыбался, когда надевал прохладный ободок на ее подрагивающий от волнения палец...

Потом отправились на Красную площадь, которая выглядела именно так, как и представляла себе Алена, – щедрыми размашистыми мазками вписанная в самое сердце бурлящего города. Там, на площади, ее ожидало очередное потрясение: на огороженном пятачке, под охраной мрачных милиционеров, почти у самого Мавзолея, стояли три девушки в купальниках-бикини. Такие же высокие, как и сама Алена, босые, с распущенными волосами, влажными, как у русалок.

– Что это? – выдохнула она.

Рамкин расхохотался:

– Это модная съемка, кажется, для Elle. Между прочим, девушки эти – из агентства Podium Addict.

Тут только она заметила и фотографа, суевающегося вокруг красоток, и осветителя с серебристым зонтиком, и стилистку в смешном платье в горох – она время от времени опрыскивала тела моделей из пульверизатора.

– Если повезет, можешь оказаться на их месте, – улыбнулся Рамкин.

Алена на улыбку ответила, но в глубине души подумала, что удовольствие это весьма сомнительное – разгуливать голяком на глазах туристов и стоять в купальнике на промозглом ветру.

А потом они отправились в ГУМ. И там Алена наконец отвлеклась от архитектуры и витрин и взглянула в глаза душе этого города – ее жительницам (ей, неискушенной, они показались небожительницами). Большинство москвичек были так хороши, что дух захватывало. Каждая вторая – блондинка. У каждой третьей – ноги от ушей. И как они одеты – какие у них туфли,

какие сумки, платья какие! И глянцевые разноцветные ногти, и бриллиантовые сережки в ушах, и подчеркивающие глубину взгляда цветные линзы... Одна девушка произвела на Алёну особенно глубокое впечатление. Томная субтильная брюнетка с точеным личиком – опершись на перила балюстрады и прижимая к уху крошечный мобильный телефон, она говорила с невидимым собеседником и так притягательно при этом улыбалась, что проходившие мимо мужчины шеи сворачивали! А еще на ней была шуба. Белоснежная норковая шуба – и это в пусть прохладный, но все же летний вечер!

Ближе к вечеру, глядя в ее осунувшееся от усталости лицо, Валера наконец сказал:

– Ладно, на сегодня впечатлений хватит. Я просто хотел показать тебе город, который должен стать твоим... А сейчас мы отправимся в твой новый дом. Правда, это довольно далеко от центра, но надо же с чего-то начинать... Тебя поделят к Янке, она мировая девчонка. Поможет тебе сориентироваться.

Едва взглянув на свою будущую квартирную соседку, Алёна расстроилась.

Яна была некрасива и вульгарна. Ее вроде бы правильные черты были словно утрированы, нарисованы слишком щедрыми мазками. Большие круглые глаза, большой нос, крупный сальный от помады рот – медальная размашистость черт делала ее похожей на мужчину. А сама она, словно не замечая оплошностей природы, усугубляла это впечатление манерой одеваться. Почему-то Яна предпочитала травести-стайл: маркерно-яркие цвета, стразы, блески, леопардовые принты, копытоподобные каблуки. Когда Алёна увидела ее впервые, на ней были лакированные шорты цвета деревенского желтка, синяя рубашка, узлом завязанная на животе, и блестящие колготы в крупную сетку.

Алёна взглянула на это наглое буйство красок и с тихим вздохом распрощалась с мечтами о теплой дружбе и совместном покорении Москвы.

Валера втолкнул оробевшую Алёну в квартиру, представил девушек друг другу и, отказавшись от чая, суетливо отчалил – впрочем, чай Яна предложила с видом таким неприветливым, словно от одного вида непрошенных гостей у нее разболелись все зубы сразу.

– Где моя комната? – понуро спросила Алёна, когда за Рамкиным захлопнулась дверь.

Ответом на невинный вопрос стал неуместный соседкин смех – грубый, прокуренный, похожий на карканье кладбищенской вороны.

– Еще бы спросила, где твой будуар! И где твоя отдельная ванная с мраморным полом и золотым биде! Ты откуда такая взялась?

– Из N-ска, – послушно ответила Алёна, все еще неловко перетаптываясь в прихожей, – так мне можно войти?

– Заходи уж, – без улыбки разрешила «радушная» хозяйка, – комната у нас одна. Я здесь первая поселилась, так что сплю на диване. А ты можешь выбирать между креслом – оно раскладывается – и раскладушкой.

Примерившись к старенькому креслу, от которого еле уловимо пахло кошачьими испражнениями, Алёна убедилась, что ее конечности торчат из продавленного ложа как минимум на полметра. Пришлось выбрать раскладушку – тоже выдавшую виды, пронзительно стонущую при каждом вздохе «пассажира». Яна скривилась:

– Надеюсь, ты не ворочаешься во сне. А то у меня и без этих скрипов хроническая мигрень.

После этого Яна выделила ей две самые маленькие полочки шкафа и дальний уголок холодильника, строго-настроено предупредив, что воровать ее диетические йогурты, низкокалорийные мюсли и ветчину из индюшачьих грудок возбраняется под страхом насильственного выдиранья волос.

– Еще нельзя брать мою зубную пасту, мой крем, мой тоник, мой шампунь, – строго перечисляла она, – мою одежду и мои, разумеется, колготки.

– Да не переживай ты так, у меня все есть, – ответила едва не плачущая, но все еще бодрящаяся Алена.

Заметив ее растерянность, Яна все-таки смягчилась и даже вручила ей кружку чаю – если чаем можно было считать едва теплую, отдающую хлоркой воду, в которой она небрежно поболтала спитым пакетиком.

– Да ладно, не переживай, не съем я тебя. Привыкнешь.

– Может быть, я сюда ненадолго, – слабо улыбнулась Алена, – вот начну работать, свою квартиру сниму...

И снова этот каркающий смех.

– Начнешь работать... – протянула Яна, внимательно ее разглядывая, – ну-ну. Не хочу тебя заранее разочаровывать, но найти здесь работу модели не так-то и просто.

– Но Валера пообещал...

– Рамкин здесь никто, – жестко перебила Яна, – последняя спица в колеснице. Всем заправляет Марина Аркадьевна. Если ей понравишься – у тебя есть шанс. Она решает, кого отправить на кастинг, а кого задвинуть в тень... Хотя, если уж она разорилась на твой авиабилет... Может, что из тебя и выйдет, ведь вообще-то она тетка прижимистая.

– Билет мне выбил Валера, – призналась Алена, – он говорит, что у меня потрясающий типаж.

– Да? Ну может быть... В конце концов у тебя есть рост, и это хорошо. Но у тебя нет груди, и это плохо. А вообще, модельный бизнес – штука непредсказуемая.

«Это точно, если ты тоже модель, с твоим-то жирком и квадратным подбородком», – подумала Алена, но вслух ничего не сказала.

– Я завтра в агентство иду, к десяти утра, – прихлебывая невкусный чай, сообщила она. Молчание Алену тяготило. – Валера сказал, что там будет какой-то кастинг. Может, меня и выберут. Конечно, я еще совсем начинающая и по подиуму не умею ходить. Но все-таки я – вице-королева красоты, может быть, это сыграет роль.

На этот раз Яна смеяться не стала. По-бабьи опершись подбородком на ладонь, она со вздохом покачала головой:

– И откуда ты только такая взялась, королева красоты?... Не понимаю, для чего Рамкин это сделал – притащил такую невинную цыпочку в наш террариум... Ладно, ты ложись спать. Похоже, время тебе предстоит сумасшедшее.

Следующим утром заполненный мрачными москвичами поезд уносил ее в центр города, на Тургеневскую. Алена жалась в уголке, раздавленная чужими потными телами, оглушенная хамоватой атмосферой московской подземки. Здесь никому ни до кого не было дела. Никто ни на кого не смотрел. Рядом с Аленой стоял юноша лет семнадцати, прическа которого представляла собою фиолетовый хохолок на бритом черепе. В его ноздрю было вдето стальное кольцо, бровь проткнута инкрустированной шпажкой и даже во рту, в устричной мякоти мельком вынырнувшего между губ языка она заметила нахальную серьгу. И никто не обращал на него внимания – словно такой внешний вид был нормой для этого безумного города. В вагоне стоял душный запах свежего пота («Это ж надо было умудриться – так вспотеть спозаранку!» – дивилась Алена) и дешевой парфюмерии. В конце концов она сконцентрировалась на собственных разношенных туфлях и, рассматривая въевшуюся в их морщинки грязь, старалась с буддийским равнодушием отрешиться от хамоватой Москвы, закипающим бульоном бурлившей вокруг.

Офис модельного агентства Podium Addict находился в симпатичном отреставрированном особнячке на Чистопрудном бульваре. Сверившись с табличкой, Алена нажала указательным пальцем на золоченую кнопку звонка. Немного нервничая, ждала ответа – а вдруг произошла какая-то ошибка и ее, золушку сибирскую, никто здесь не ждет? Кусала губы, мимо-

ходом думая, что от этой дурной привычки придется избавиться. Как, впрочем, и от патологического отсутствия маникюра.

– Вам кого? – высоченная девушка появилась из-за двери так неожиданно, что Алена отшатнулась.

Тем более что ей казалось невероятным видеть перед собою особь женского пола, которая была выше самой Алены. Не об этом ли она мечтала, сдерживая злые слезы, вызванные насмешками одноклассников? Чтобы в школе появилась девушка, чья макушка будет возвышаться над Алениной, – тогда безжалостный объектив неприятного внимания переключится на нее.

Но стоявшая перед нею богиня в золотом, едва прикрывающем колени платье не выглядела жертвой нападков. Наоборот, вид у нее был еще какой самоуверенный. Хмурила изящно выщипанные бежевые бровки, поджимала подчеркнутые карандашиком губы, бестактно рассматривала Алену – от забранных в хвостик рыжих волос до кончиков стареньких туфель. У нее самой – не без легкой зависти отметила Алена – туфли были фантастические. Из мягкой золотистой кожи, на усыпанных зелеными стразами каблуках, с миниатюрной пряжкой. В моде Алена не разбиралась, но туфли эти словно кричали: «Мы стоим целое состояние!»

– Вам кого? – нетерпеливо повторила девушка и, казалось, уже была готова захлопнуть перед Алениным носом дверь, когда та наконец вышла из ступора.

– Мне Марину Аркадьевну Хитрюк, – слабо улыбнулась она, – я вчера прилетела из Н-ска. С Валерой... Рамкиным. Она в курсе.

Поскольку девица в золотом молчала, Алена сочла нужным продолжить сбивчивые объяснения:

– Я королева красоты. То есть не совсем так. Королевой красоты Анжелика стала, а у меня специальный приз... Контракт с вашим агентством, неужели Марина Аркадьевна ничего не говорила?

Снисходительно усмехнувшись, церберша глянцевого мира слегка посторонилась.

– Ладно, проходите. Марина Аркадьевна у себя в кабинете. Вам нужно будет договориться с ней о дне фотосъемки. Вам сделают портфолио за счет агентства.

– Вот здорово! – искренне обрадовалась Алена.

Она почти не привезла с собою денег.

– В долг, разумеется, – невозмутимо продолжила секретарша, – потом, когда начнете участвовать в показах, постепенно расплатитесь. И за портфолио, и за квартиру.

– А когда я начну участвовать в показах?

– Девушка, не бегите впереди паровоза. Да, я вам настоятельно советую купить бревно. Поскольку денег на уроки дефиле у вас нет, бревно может оказаться полезным.

– Это еще зачем? – удивилась Алена.

– Походку отрабатывать, зачем же еще, – хмыкнула секретарша, – оборачиваешь бревно газетами, в много слоев. И ходишь. Сначала в тапках, потом на шпильках. Потом с томом большой советской энциклопедии на голове. Когда научишься филигранно держать равновесие на бревне, может, и на подиум выпустят.

– А это... не шутка?

– Какие тут шутки! Ты еще не разобралась, во что ввязалась? Тебе предстоит трудиться, работать на износ, работать каждый день. Если ты привыкла безбедно жить у мамочки, то лучше сразу возвращайся.

– Нет, что вы, – испугалась Алена, – я буду делать все, что потребуется. Кажется, с сегодняшнего дня у меня начинается новая жизнь!

– Ну-ну, – хмыкнула секретарша, которая и сама была из неудавшихся моделей, приехавших покорять Москву, – посмотрим, на сколько хватит твоего оптимизма, красавица.

Алене понадобилось всего полтора месяца, чтобы доказать известную московскую теорему:

Кефирная диета + вынужденное латание колгот – работа плюс-минус надежда на светлое будущее = жизнь провинциалки в большом городе.

Она просыпалась в восемь и полчаса ходила по обернутому газетами бревну. Шли недели, и она могла совершать это древесное дефиле, не открывая глаз, однако работу манекенщицы ей давать что-то не спешили. Алена исправно ходила на кастинги – иногда у нее бывало по пять-шесть кастингов в день в разных концах города. Но для съемок и показов выбирали других. Ей же оставалось уныло сплетничать в углу.

Алена приехала в Москву в начале сентября. И только в ноябре ей наконец посчастливилось обрести работу.

Первая работа! Праздник, взрывающийся в сердце адреналиновым салютом!

Два месяца в модельном агентстве – это целая жизнь в миниатюре. Алена больше не была той запуганной милашкой, над немодными туфлями и сдержанными манерами которой похохатывали прокуренные «вешалки». Она купила черное платье-футляр, научилась делать прическу *bed-style* и привносить в свою речь перчинку продуманного матерка. Она узнала, чем отличается Маргарита от Пинаколады и почему ни в коем случае нельзя покупать поддельные сумки Луи Виттон. Она носила затемненные очки даже в полумраке и слушала трип-хоп вперемешку с готикой. Она с блеском выдерживала московские экзамены – один за другим – и сама могла бы работать консультантом по выживанию в джунглях гламура.

Нет хорошей косметики? Очаруй продавщиц в «Л'Этуале», и они одарят тебя тестерами. Не хватает на продукты? Добывай приглашения на фуршет.

И – ври!

Ври направо и налево – с напором, снисходительно кривя губы. Даже если тебя не пускают в лучшие ночные клубы, непринужденно, как фокусник апельсинами, жонглируй их названиями. Зови Собчак Ксюхой, а Цейтлину – Улькой, и окружающие посмотрят на тебя как минимум с интересом.

Она, шестнадцатилетний сибирский воробушек, у которой и духов-то в собственности не было, с ленцой рассуждала о Куршавеле, а Монте-Карло свойски называла Монтиком.

И в конце концов, как в детской игре, Алене удалось расцепить ладони конкуренток и с разбегу прорваться в порочный круг.

Ее ангажировали на целую неделю для работы промо-girl на выставке «Меха России». В роскошной шубе до пят она будет улыбаться посетителям выставки, зазывать их на стенд и получать пятьдесят долларов в день. Плюс три процента, если вдруг кто-нибудь решится купить шубку с ее легкой руки.

Шуба Алене досталась белоснежная, норковая, в пол. В обрамлении этой роскоши она выглядела эффектнее и старше – даже менеджер меховой компании восхищенно прицокнул языком, когда она вертелась перед зеркалом. Шелковистый мех ласкал щеки, как ладони нежного любовника.

185 (природа) плюс 12 (каблуки).

Впервые Алена несла свои сантиметры с гордостью царственной амазонки.

Выставочный зал был поделен на сотни тесных каморок-стендов – из одного из них Алена ленно вынесла свою красоту. В ее руках была кипа рекламных листовок. Алена медленно брела по проходу, раздавая их посетителям.

– Заходите на наш стенд!.. Покупайте шубы, лучший мех на нашем стенде!.. Добро пожаловать на наш стенд!

И сначала ей казалось, что работать на выставке одно удовольствие – знай себе, носи меха да декламируй рекламный текст. Все ей улыбались, посетители мужского пола восхищенно на нее заглядывались, а непривычная к амплу желанной женщины Алена трогательно смущалась. Какой-то иностранец долго ей что-то втолковывал на французском языке, а потом сунул в ее вспотевшую ладошку свою визитную карточку – кажется, он был фотографом и желал с ней работать.

Но прошел час, за ним другой. Кондиционера в помещении не было, и скоро Алена поняла, что обладание шубой – это не такой уж обетованный рай. Гости выставки сдали верхнюю одежду в гардероб, а она была вынуждена томиться в мехах. Под платьем нестерпимо чесалась спина, вдоль позвоночника струился щекочущий ручеек пота. Хотелось пить. Хотелось снять с себя всю одежду и кожу заодно, чтобы каждой клеточкой прочувствовать блаженный ветерок сквозняка.

Когда вечером ей вручили пятьдесят долларов – ее первые модельные деньги, на которые она так рассчитывала, о которых так мечтала, – она почти не испытала радости.

А за тысячу километров, в запорошенном первом снегом N-ске, над фотографиями из Алениного портфолио склонились три женщины – ее бабушка, ее мама и лучшая подруга Галина, как фанера над Парижем пролетевшая над мировыми подиумами со своими никому не нужными ста семидесятью двумя сантиметрами роста. Галина, горько переживавшая несправедливый выбор москвичей, немного остыла, почти простила Алене невольный успех, но в глубине души продолжала надеяться, что, помыкавшись в негостеприимной столице, подруга вернется. И все станет по-прежнему – она, Галочка, будет привычно королевствовать, Алена – вздыхать и слушать байки про ее амурные похождения.

По субботам Галочка забегала к Алениной маме на чай – жадно выслушивая новости из подружкиной новой жизни, она ждала – ну когда же? Когда?

– Она похудела, – сокрушенно причмокнула бабушка, монументально статная моложавая дама в бордовом халате, – посмотрите на ее колени. Бухенвальд.

– Да брось ты, – легкомысленно говорила Аленина мать, – посмотри, красавица какая. Всего два месяца прошло, а она словно распустилась, расцвела!

А Галочка молча констатировала: и правда расцвела. Такой макияж – даже разрез глаз стал другим, немножечко кошачьим. И волосы похожи на атласное покрывало – как у самодовольных дев из рекламных роликов шампуня. И брови выщипаны. А какое платье – вроде бы простенькое, незамысловато черное, но до чего же элегантно!

– Наверное, Алена много зарабатывает. Я такое платье в «Космополитене» видела, – уныло вздохнула Галочка.

Знала бы она, что платье было одолжено у секретарши агентства – нехотя та согласилась посидеть в стареньком Аленином свитере, пока новоявленную модель будут снимать для портфолио. У самой Алены подходящих вещей с собою не оказалось, а исправить жестокое недоразумение не позволял бюджет.

– Ох, не знаю, не знаю, – качала головой бабушка, – говорила я с ней по телефону. Она какая-то уставшая. И словно разочарованная. Не жалуется, конечно, но чувствует мое сердце – несладко ей там.

– Да брось ты, мама! Девчонке единственный раз в жизни выпал шанс, а ты готова все испоганить, лишь бы вернуть ее под свое крыло!

– Вспомнишь еще мои слова...

– Думаешь, мне за Аленку не страшно? Думаешь, я по ней не скучаю? Да я каждую ночь уснуть не могу, все о ней думаю! Но какая у нее была бы судьба в нашем городишке? Так и осталась бы вечным посмешищем! А так – будет фотографироваться для журналов, весь мир исколесит! Ты посмотри на фотографии – да она же в сто раз лучше Синди Кроуфорд!

А Галочка машинально прислушивалась к этой уютной кухонной перепалке, из недели в неделю повторяющейся. И склизкими червяками копошились в ее сердце неприятные предчувствия. А если Аленка и в самом деле станет звездой? Вернется в город в собольей шубе и на шпильках Lagerfeld, холодно взглянет на ссутулившуюся перед этой роскошью Галину, скупно улыбнется, сквозь зубы поздоровается... Как она это переживет, как с этим справится? Она, признанная красавица, в которую полгорода влюблено!

– Что загрустила, Галинка? – проницательная Аленина бабушка, конечно же, обо всем догадывалась. Ей было и жаль приунывшую девчонку, и неприятно за зависть, рвущуюся наружу из красиво подведенных глаз.

– Да так... Я так за Аленку рада! – с деланным энтузиазмом воскликнула она.

– Если рада, что же на тебе лица нет?... Вот что я думаю – поехала бы ты в Москву, вернула бы мою Аленку.

– Как это? – вскинула голову Галочка.

– Думаешь, я не вижу, что ты на ее место хочешь? А что, девка ты видная, может быть, и тебя возьмут. Придешь в агентство, Алена поможет. Тоже начнешь костюмной вешалкой служить.

И в первый момент Галочка всем существом своим подалась навстречу этой мысли. Но потом приуныла, и плечи ее, обтянутые недорогой синтетической водолазкой, поникли.

– Кто же мне денег даст в Москве обосноваться? Алене вон как повезло...

– Я дам, – вдруг сказала Аленина бабушка.

– Мама! Что ты несешь? – возмутилась Аленина мать. – Я у тебя вчера просила добавить на пальто, так ты сказала, что денег нет!

– На пальто нет, – прорезанные вертикальными морщинками губы сложились в подобие утиной гузки, – а на спасение единственной внучки найду. Галка с детства мечтала звездить. А наше горе луковое хотело поступать в Педагогический. Пусть так и будет. Галка жопой вертит и миллионы получает, а наша вернется домой и образумится. Нам таких миллионов не надо.

– Какие глупости, – попробовала возразить Аленина мама.

Но Галочка, нутром почуявшая близость джекпота, раскраснелась и призвала всю силу воли, чтобы унять взбрыкнувшее дыхание.

– Я согласна! Я поеду в Москву и найду способ вернуть Аленку! А сама буду работать манекенщицей, – воскликнула она, и, прищурив мечтательные глаза ресницами, медленно повторила, словно пробуя слово на вкус, – манекенщицей...

Алена участвовала в боди-арт-шоу.

Она толком и не поняла, что такое боди-арт. Самое главное – она прошла кастинг, ее выбрали, ее предпочли другим, у нее будет работа.

Шоу проходило в заброшенном здании завода на окраине Москвы. Алена что-то там не рассчитала с пробками и влетела в импровизированную гримерную с опозданием на целых полтора часа.

А вокруг кипела обыденная для модельного закулисья суета.

Высокая рыжая девица, кудрявые, высоко забранные волосы которой были похожи на каракулеву папаху, красила губы перед зеркалом. На ней был обтягивающий комбинезон из черного латекса, и выглядела она круче, чем Лара Крофт. Алена не сразу решилась к ней подойти. Но все остальные казались совсем неприступными: люди с беджиками «организатор» что-то надрывно орали в мобильники, манекенщицы спешно подправляли грим, серая от усталости визажистка выглядела как человек за пять минут до нервного припадка – у нее тряслись руки и подергивалось веко. А «Лара Крофт», казалось, находилась в непроницаемом энергетическом аквариуме, в котором вместо воды плескалась концентрированная невозмутимость.

– Простите, – Алена, кашлянув, тронула ее за плечо.

Девушка вздрогнула, обернулась, смерила Алену оценивающим взглядом – с растрепанной головы до кончиков дешевых ботинок – и ее неестественно-зеленые глаза недобро сузились.

– Совсем, что ли? Сдурела?

– Извините, – пролепетала Алена, – я только хотела спросить...

– Чуть грим мне не смазала! – не слушая ее, покачала головой странная красавица.

– Грим? – непонимающе улыбнулась Алена. – Но я же... Я же просто вас по плечу похлопала... Я просто хотела узнать, здесь будет боди-арт-шоу? Я тоже модель, опоздала немножко.

– Немножко? – расхохоталась рыжая. – Солнышко, да у нас выход через час. Тебя не предупреждали, что на боди-арт-шоу приходят, как в аэропорт, минимум за три часа?

– Нет, – растерянно покачала головой Алена, – мне просто время сказали. А где гримеры?

Она немного расслабилась, бросила сумку на пол и ногой небрежно затолкала ее под ближайший туалетный столик – целее будет. Смягчившаяся рыжая рассматривала ее с неподдельным интересом.

– Ты недавно работаешь, да?

– Я в Москве уже три месяца, – слабо улыбнулась Алена, – но ты права, работы немного...

Так где гримеры?

– Там, – она мотнула головой куда-то в сторону, – но я бы посоветовала тебе тихонечко уйти, а потом что-нибудь соврать в агентстве.

– Это еще почему? – возмутилась Алена.

– Да потому, что тебя четвертуют. Прийти на боди-арт за час!... За час тебе только рожу накрасть успеют! А вот это, – она провела холеной рукой вдоль натянутого в латекс тела, – мне рисовали два с половиной часа.

У Алены перехватило дыхание – только в тот момент она сопоставила содержание шоу (боди-арт) с костюмом красотки (слишком обтягивающим, стопроцентно повторяющим все линии тела) и поняла, что на самом деле никакой это не костюм, а...

– Он нарисованный, – восхищенно прошептала Алена и потянулась рукой к комбинезону, но рыжая предостерегающе подняла ладонь.

– Нечего потными ладошками меня трогать, краска потечет.

Алена огляделась по сторонам – ей казалось невероятным, что все девушки, находившиеся в гримерной, только притворяются одетыми – на самом деле их обнаженные тела покрыты тонким слоем специальной краски. На одной модели, совсем молоденькой блондинке вида вполне целомудренного, был нарисован строгий костюм в полоску. Если бы ей и в самом деле вздумалось в таком виде пойти в какой-нибудь офисный центр, ее вряд ли бы разоблачили – разве кто-нибудь заметил бы, что из-под обтягивающего пиджачка слишком остро торчат соски. На другой был цветастый купальник. На третьей – полосатый костюм морячка с кокетливым галстуком.

– Ну ничего себе! – вырвалось у Алены.

Как и предсказывала «Лара Крофт», художники Алениному появлению не обрадовались. Их было двое – колышущаяся при каждом шаге грудка жира в мотоциклетном кожаном костюме и субтильный стареющий хмырь с затянутыми в хвост жидкими волосенками. И у обоих была грязь под ногтями – наверное, забились краска, но Алену все равно передернуло. Некоторые вещи она простить мужчинам не могла, и чистота рук занимала в этом рейтинге не последнее место.

– Я Алена Соболева, – тем не менее представилась она.

Художники переглянулись. Грудка жира извлекла из заднего кармана мятый лист, хмуро сдвинув брови, сверилась со списком, а потом исподлобья посмотрела на Алену:

– Соболева?

Она обреченно кивнула – ничего хорошего тяжелый взгляд не сулил.

– Вы понимаете, что на Западе за такие фокусы манекенщица платит неустойку? – холодно осведомился тощий.

Алена на всякий случай кивнула. Она старалась казаться спокойной и раскаивающейся, хотя при слове «неустойка» у нее похолодели кончики пальцев – в деньгах она нуждалась до такой степени, что даже научилась отточенным незаметным движением почти бесшумно раздвигать руками турникеты в метро.

– Ну и что с тобой делать? – рассердилась груда жира. – Показ через сорок минут! Ладно, дуй вон к тому зеркалу, раздевайся, что-нибудь придумаю!

Руки толстяка были холодными и шершавыми, кожа загрубела от краски. К тому же он оказался заядлым курильщиком – прицельно выплевывал в железное мусорное ведро истлевшую сигарету и тут же прикуривал следующую. За полчаса пассивного курения Алене стало дурно. В гримерной было довольно прохладно, на ее голом теле неприятно забугрились мурашки, а в ноздрях щежотно свербилло. Она прикрывала глаза, вежливо улыбалась, стараясь абстрагироваться от того, что происходит.

И наконец услышала долгожданное:

– Ну вот и все, сойдет. Пойдешь самая первая, селедка.

Алена даже не успела обидеться на «селедку» – с любопытством обернувшись к зеркалу, она остолбенела. Почему-то ей казалось, что на ней будет нарисовано примерно то же самое, что и на остальных – цветастое платье, вызывающий комбинезон или на худой конец водолаз-ный костюм (почему-то это считалось фишкой показа, на его «обладательницу» надели насто-ящий акваланг и ласты, и выйти она должна была самой последней, под одобрителный смех публики). Но никак не это. В первый момент она даже не поняла, что изменилось, – только мимоходом удивилась, что она, кажется, немного полнее, чем испуганно тарасившееся из зер-кала отражение. И только потом до Алены дошло – ее покрыли толстым слоем бледно-телесной краски, ребра были подчеркнуты сероватыми полосками, соски обведены сдержанно оранже-выми кружками, на скулах появились такие впадины, словно она не ела минимум месяц, бедра стали тоньше размера на три.

– Что... это?

– Прикольно, да? – расхохотался толстяк. – Я только что это придумал. Это будет наша фишка. Все подумают, что ты анорексичка, и ахнут. А потом мы покажем журналистам твои фотографии, и они убедятся, что ты нормальная девка. Это будет сенсация.

– Но... Я что, должна выйти на подиум в таком виде? Голой?

– Это боди-арт-шоу, девочка, – хмыкнул толстяк, – здесь все голые.

– Я... не могу.

– Не можешь? – он грозно подался вперед, и Алена машинально скрестила на груди руки, скрывая наготу, хотя, похоже, ее никто не воспринимал в качестве объекта желания. – Хорошо, можешь уматывать домой. Только с тебя полторы тысячи баксов.

– Сколько? – недоверчиво ахнула она.

– А ты думала, мы здесь шутки шутить собрались?! – взорвался он. – Я на тебя потратил время, материалы, силы! Наш показ рассчитан на четырнадцать, а не на тринадцать манекен-щиц. И моя работа стоит дорого!! Хочешь уйти – плати неустойку. А не хочешь – я подам на твое агентство в суд.

Алена представила себе искаженное яростью лицо Марины Аркадьевны Хитрюк, и появ-ление на сцене отчего-то сразу показалось меньшей бедою, чем малодушный побег.

– Ладно, – тихо сказала она, – я это сделаю.

– Вот и умница, – успокоился толстяк, – да ладно, не переживай ты так! О тебе же все газеты напишут, дурочка! Ты проснешься знаменитой, разве не этого вам, вешалкам, надо?

Когда Алена, кое-как справившись со стыдом и гордостью, появилась на подиуме, зал недоуменно притих, а какой-то наглец с заднего ряда пронзительно свистнул, засунув в рот грязноватые пальцы. Она остановилась в растерянности, но за кулисами маячил невидимый зрителям художник-толстяк, прошипевший в ссутулившуюся Аленину спину: «Если сорвешь показ, урою!» Больше всего ей хотелось скрестить руки на груди, прикрыться, хотя бы формально защитить свою наготу от прилипающих к ней наглых взглядов, которые почему-то казались материальными.

И она пошла. Выпрямив спину, покачивая бедрами, примерив к растерянному лицу широкую улыбку, которая ей совершенно не шла. Несколькими днями позже, рассматривая Аленину фотографию в одной из «желтых» газет, Марина Аркадьевна в сердцах воскликнет: «Все, надоело вкладывать деньги в это ничтожество, пусть собирает чемодан и катится в свой N-ск!» А заплаканная Алена чуть ли не на коленях будет умолять ее об отсрочке – хотя в глубине души сама не до конца поймет, откуда взялось в ней это остервенелое желание зацепиться в столице.

– Аленушка! – голос бабушки звенел в телефонной трубке. – Аленушка, возвращайся домой, пожалуйста! Мы все знаем, мы не будем ничего тебе говорить. Вылечишься, отъешься, поступишь в институт...

– О чем ты, бабуль? – удивилась Алена.

– Я видела твою фотографию в «Комсомолке». Весь город видел. Но все почему-то считают, что это не ты. Но я-то тебя сразу узнала, родное сердце не обманешь.

– И что на той фотографии?

– Ты... голая, – выпалила бабушка, и голос ее дрогнул, а у Алены сжалось сердце, – стоишь там, при всех, еще и улыбаешься. И такая... костлявая. Неужели тебя не кормят в этой Москве?

– Бабуля, – Алена улыбнулась, хоть бабушка этого видеть и не могла, – не верь им. Это был просто показ. Я даже там на самом деле не голая, это специальный костюм.

– Зачем же такие костюмы? – подозрительно поинтересовалась бабушка. – Их что, кто-то носит?!

– Да нет же! Это так, для смеха...

– А что смешного? Там написано, что ты вешишь тридцать килограмм.

– Бабушка, это неправда! – возмутилась Алена. – Я вешу пятьдесят восемь! Но мне и правда все талдычат, что надо худеть.

– Даже не вздумай!.. Аленушка... – бабушка замялась, – когда же ты собираешься обратно?

– Ты что, бабуль? – нервно хохотнула Алена. – Да я себя уважать не буду, если сейчас вернусь. Нет уж, я должна пройти это до конца. Неужели ты не веришь, что у меня все получится?

– Не знаю, – вздохнула бабушка, – мне кажется, не твое это... Ты у нас всегда была тихая, домашняя... А там надо уметь кусаться и царапаться, иначе сожрут. Что я, «Комсомолку» не читала, что ли? Все знаю, какие там нравы, в этой Москве!

– Я научусь, – торжественно пообещала Алена, – если это надо, научусь кусаться и царапаться. Я выживу. И этот город еще будет моим. Вот увидишь, бабуля.

А еще была реклама дешевого антиперспиранта. Малобюджетный телеролик, который должны были транслировать по дециметровым и кабельным каналам. Что-то вроде «Магазина на диване» в миниатюре. Кастинг-менеджер был безнадежно пьян и выбрал первую же девушку, зашедшую в кабинет, – ею по счастливому совпадению оказалась Алена.

Снимали ролик два с половиной дня. Сначала Алена изображала девицу, которой из-за обильной потливости не везет в любви. Ей выдали шелковую футболку, подмышки sprysнули

водой. По сценарию Алена сначала входила в трамвай, и все прочие пассажиры косились на нее и брезгливо морщились. Потом она появлялась в университетской аудитории, и симпатичный молодой человек, рядом с которым она садилась, в панике убежал, зажав двумя пальцами нос. «И почему мне так не везет в любви?!» – восклицала Алена. После чего некто свыше дарил ей дезодорант. И вот уже обновленная, в сухой майке, она лукаво улыбалась университетскому юноше, а тот дарил ей вяловатый букет тюльпанов.

Все внушали ей, что сняться в рекламном ролике престижно – ведь для этого нужны актерские способности! Если у модели в архиве рекламный ролик, ее цена поднимается в десятки раз. И сначала Алена поверила, хотя в глубине души ей было обидно рекламировать не помаду и духи, а средство от пота. А потом и вовсе выяснилось, что съемки для дециметровых каналов за полноценный рекламный ролик не считаются.

И жизнь вошла в свою колею. А именно – она голодала, носилась по городу в надежде урвать хоть кусочек работы... И почти всегда оставалась не у дел.

Удивительный парадокс: ее квартирная соседка почти не ходила на кастинги, но при этом, мягко говоря, не бедствовала. Очередной московский пасьянс, который никак не мог сложиться у Алены в голове. Глядя на то, как радостно возбужденная Яна небрежно рвет очередной фирменный пакет и крутится перед зеркалом с забавной сумочкой Braccialini или в новом норковом берете с бриллиантовой брошью, Алена недоумевала: ну откуда, откуда эта роскошь?! Яна была родом с Севера, из крошечного городка у Полярного круга, отмеченного невнятной точкой лишь на картах самого крупного масштаба. На ее тумбочке стоял полувыцветший поляроидный снимок, на который она, бывало, после вечерней рюмочки водки с печальным вздохом посматривала. Семейный портрет: отец – угрюмый рослый бородач, мать – седая простушка с широким лицом, носом-картошкой и неуверенной улыбкой, младшая сестра – худышка с жидкими волосами, старомодно заплетенными в вялую тусклую косицу. Эти люди никак не могли быть златоносным тылом, ублажающим растущие Янкины аппетиты. Богатый любовник? Тоже вряд ли – большинство вечеров она проводила дома, лишь изредка, принарядившись, исчезала.

Так и жили вдвоем – принцесса московских окраин, шкаф которой походил на пещеру Али-бабы в миниатюре, и бледная от недоедания золушка, которая стеснялась ходить на кастинги в привезенном из Сибири пуховике и переживала московскую зиму в купленном по случаю тонком шерстяном пальтишке. Принцесса относилась к золушке со снисходительной прохладцей – вежливо уступала очередь у плиты, но ни в жизнь свою, ни в свой бездонный шкаф предпочитала не пускать.

На презентации шампанского Cherie в отеле «Националь» собралась вся Москва – бизнес-элиты, похожие на голливудских звезд светские львицы, такие ослепительные, что рядом с ними хотелось зажмуриться, томные актрисы, вульгарные девушки из расплодившихся поп-групп, дизайнеры, манекенщицы, золотые детки, журналисты...

Алене снова досталась непрестижная работа промо-girl – с подносом, уставленным хрустальными бокалами, в коротенькой золотой тунике, с пластмассовым лавровым венцом в уложенных, как у скульптурной Афродиты, волосах она стояла в уголке и мило улыбалась всем, кто ловил ее взгляд.

– Это самые длинные ноги, которые я когда-либо видел, – вдруг раздался мужской голос прямо за ее спиной.

От неожиданности Алена чуть не выронила поднос с шампанским. Невидимый возмутитель спокойствия галантно поддержал ее под локоть. Было ему лет пятьдесят, и он все еще пытался привести свое медленно дряблеющее тело к модному знаменателю «мачо». Его волосы были зачесаны назад и блестели от геля; сквозь гляцевую волнистость трогательно проглядывалась розовая опушка небольшой лысины – Алена могла видеть ее с высоты своего роста, ведь

макушка мужчины едва доходила до ее ключиц. Седина была красивой и походила на мелирование. Почти незаметный животик лукаво спрятан в складках пиджака Paul Smith.

Алена вежливо улыбнулась.

– Нет, я серьезно. Это что-то потрясающее. И что вы делаете здесь, с такими ногами?

– Как видите, – она слегка приподняла поднос, – может быть, шампанского?

– Спасибо, мне уже достаточно. Я почти не пью, люблю сохранять ясность ума. Тем более в обществе такой девушки. Как вас зовут? – взяв Алену под локоток, прилизанный мужчина увлек ее к стене.

– Алена, – нехотя представилась она.

Она не была уверена, что организаторы презентации одобряют ее дезертирство.

– Ян, – представился он, – и можно на ты... Не волнуйся, тебе никто и слова не скажет.

– Почему вы так уверены? – нахмурилась она. Разве мог он, обладатель золотых часов и начищенных туфель, знать, насколько важно для нее не опростоволоситься? За ее плечами – месяцы игнора, провал на шоу боди-арт... А на этой презентации неплохо платили – сто пятьдесят долларов за вечер, да и работа была совсем непыльной. Разве может он понимать, этот лощеный тип, переборщивший с солярием, что сто пятьдесят долларов – Аленин спасательный круг? Он, наверное, столько оставляет гардеробщику на чай.

– Можешь мне верить, – рассмеялся он, продемонстрировав безупречные виниры, – ведь винный дом Cherie принадлежит мне. Стоит мне слово сказать – тебе заплатят по двойному тарифу. Кстати, сколько ты получаешь?

– Простите?

– За сегодняшний вечер, дурочка!

Под его изучающим взглядом Алене захотелось съежиться и еще желательно одеться – в джинсы, глухой свитер и застегнутое на все пуговицы пальто. Его взгляд, казалось, обладал рентгеновскими свойствами и легко мог проникнуть под тончайшую золотую ткань.

– Сто пятьдесят долларов, – промямлила она.

Его брови (похоже, оформленные косметологом) удивленно взлетели.

– Всего? Это просто фантастика! Девушка с самыми длинными в мире ногами получает копейки и работает черт знает кем... Где твои родители?

– В N-ске, – лаконично ответила она.

Мимо прошла Зинаида, тоже промо-girl, в такой же, как у Алены, тунике. Она явно переборщила с каблуками и теперь шла немного на полусогнутых, сгибаясь под тяжестью подноса. Алена перехватила ее мимолетный взгляд – проницательный, презрительный, немного завистливый. Зина явно истолковала Аленино отлынивание от работы по-своему – подумала, что напарница подло кокетничает с гостями, предоставив всю тяжелую и неприятную работу ей, Зинаиде.

– Извините, – быстро сказала Алена, которой вовсе не хотелось приобретать репутацию беспринципной суки, – мне надо работать.

– Какая прелесть, – умилился он, – ладно, милая, работайте. Но мы скоро увидимся, я надеюсь?

– Не знаю, – промямлила она.

– Ну же, ступайте. Я вам позвоню. Я обязательно найду вас – через агентство. Не могу же я упустить такую красоту?

У Марины Аркадьевны Хитрюк была странная внешность. Улыбчивая, моложавая, с инфантильными ямочками на щеках и милыми коллагеновыми губками, к тому же натуральная блондинка – она иногда умела взглянуть так, что собеседнику становилось не по себе. Словно опасная внутренняя ведьма предупреждающе выглядывала из-за кудряшечно-кукольного фасада. В такие минуты она словно становилась старше – несмотря на все пилинги и

ботоксы. Темнели глаза, сжимались губы, в их уголках тeneвым болотцем растекались неведомо откуда взявшиеся складочки морщин.

Алена сидела перед ней, теребя в руках бутылку минералки. Ей было не по себе. Вроде бы ничего особенного не произошло – просто президент агентства возжелала побеседовать с нею тет-а-тет. Но с самого утра, с тех пор как ее разбудил звонок секретарши Хитрюк, Алену не покидало дурное предчувствие. Наверное, у этой грусти, свинцовым шариком перекатывающейся по позвоночнику, были логические причины – ну зачем, скажите на милость, Марине Аркадьевне понадобилась такая мелкая сошка, рядовая манекенщица Алена Соболева? Вариант напрашивался один: затем, чтобы отправить ее обратно в N-ск. Вложения не окупились, пожалуйста восвояси.

И вот теперь тщательно причесанная Алена в сотый раз прокручивала в голове придуманные наспех аргументы. Дайте мне последний шанс. Москва – как заразная болезнь. Поживешь тут пару месяцев – и все, пропал, болен неизлечимо. Куда же мне теперь без всего этого – без широких улиц, смрадных пробок, без пахнущих дорогой пудрой и ментоловыми сигаретами кастингов, без духа лотереи? Понимаю, я здесь уже четыре месяца и пока ничего не добилась, но ведь еще не вечер, и мне всего шестнадцать лет! Инне Гомес было двадцать семь, когда она пришла в модельный бизнес.

Об Инне Гомес ей рассказала Янка. Почему-то этот факт внушал ей оптимизм, несмотря на то что до Инны Гомес ей и в ее двадцать четыре было ох как далеко.

Но Марина Аркадьевна ничего не говорила – просто внимательно Алену рассматривала. А та не решалась нарушить молчание первой.

Так прошло минут, наверное, десять. Наконец Хитрюк наскучила игра в молчанку и с дежурной улыбкой она предложила Алене кофе с конфетами. На краешке массивного дубового стола лежала коробочка «Моцарта» в виде сердечка. Алена жадно покосилась в сторону конфет, и рот ее непроизвольно заполнился сладковатой слюной, но, подумав – «а вдруг это тест?» – она нашла в себе силы твердо сказать:

– Спасибо, я позавтракала. К тому же моделям нельзя конфеты.

И не ошиблась – лицо Марины Аркадьевны смягчилось.

– Ответ верный, – улыбнулась Хитрюк, – ты обживаешься потихонечку, как я погляжу.

– Может быть, не так быстро, как хотелось бы... Но я стараюсь... Марина Аркадьевна, понимаю, что пока толку от меня мало, но, пожалуйста, дайте мне еще один шанс! – на одном дыхании выпалила Алена. – Клянусь, я прыгну выше головы, буду очень стараться.

– Куда уж выше, – ухмыльнулась президентша, – а с чего ты вообще взяла, что я буду тебя отчитывать?

– А зачем же еще вы могли меня пригласить!

Марина рассмеялась.

– Странная ты... Хотя, не буду отрицать, у меня были мысли, что я на твой счет ошиблась. Сама понимаешь – за три месяца ни одной нормальной работы. Ты даже портфолио еще не отбила, а ведь я оплачиваю твою квартиру и твой мобильный телефон.

Аленины плечи уныло поникли.

– Но на днях мое мнение изменилось, – вдруг сказала Хитрюк, – я поняла, что ты умная девушка, просто тихоня. Но когда надо, мобилизуешься.

Алена удивленно вскинула голову. Последние несколько дней она провела дома, с невымытыми волосами и маской из йогурта и оливкового масла на лице. Ни работы, ни развлечений, ни подруг – одни только бередящие душу надежды.

– Не смотри на меня так, как будто бы не понимаешь, о чем я. Я имею в виду Шестакова.

– Кого? – удивилась Алена.

– Яна Шестакова, – Хитрюк принялась нетерпеливо постукивать кончиком золотой ручки по краю столешницы.

Краем глаза Алена заметила, что под столом Марина Аркадьевна нервно дергает ногой, обутой в туфельку из кожи страуса. Из смутных глубин памяти вдруг всплыло лицо прилизанного типа с презентации шампанского – кажется, его Яном звали.

– Ты произвела на него неизгладимое впечатление. И приятно меня этим удивила. Потому что Яну нравятся... хм... только породистые лошадки. Ты знаешь, что он полтора года жил с Ди Ди?

– Кто это? – под натиском имен из светских хроник Алена всегда чувствовала себя неуютно. Сто раз собиралась экспроприировать у Янки стопку старых глянцевого журналов и придирчиво изучить мелкие окошечки светских фотографий. Запомнить лица, заучить фамилии, как в школе она прилежно учила теоремы.

– Это наша модель, – терпеливо объяснила Марина Аркадьевна, – между прочим, звезда. Сейчас она в Нью-Йорке. Перекупили за большие деньги, но это к делу не относится... Знаешь ли ты, девушка, что Шестаков заинтересовался тобою настолько, что оборвал мой телефон?

Алена пожалала плечами.

– Да? Свой я ему не дала. Он показался мне... странным.

– Какая ты смешная, – Хитрюк и правда расхохоталась, раскатисто, по-русалочьи, но зеленые ее глаза оставались напряженными, – вспомни Фитцджеральда. Я расскажу вам о жизни богатых людей. Они не похожи на нас с вами. Ну и так далее.

Алена молчала, неловко переминаясь с ноги на ногу. Она никак не могла взять в толк, что от нее хотят.

– Тебе повезло, Алена, – торжественно объявила Хитрюк, – Шестаков приглашает тебя в ресторан.

– Но... Это так бессмысленно, – пожалала плечами она, – он не в моем вкусе... Он старый и какой-то... скользкий.

– В любом случае предлагаю тебе не торопиться с выводами. И вот еще что. Расскажи о нашем разговоре своей flatmate Янке, хорошо? Вдруг она что-то дельное тебе, дурочке, посоветует.

Обычно Алена не откровенничала со своей квартирной соседкой. Да и Яна не интересовалась ее жизнью и мало что рассказывала о своей. Они сосуществовали на одной территории, соблюдали график мытья полов, отчитывали друг друга за забитый волосами сток ванны, иногда одалживали чай или тампаксы. Но при этом почти не разговаривали. Этакая игра в молчанку в двадцатиметровой комнате.

Но тут – и черт его знает, почему, – Алена не выдержала. Произошедшее в кабинете Хитрюк не шло из головы. Вот она и решила с Янкой поделиться.

– Представляешь, – кромсая низкокалорийный зеленый салатик, жаловалась Алена, – она даже не намекнула, а прямо сказала – хочешь здесь остаться, ложись под этого Шестакова! Да еще и удивилась, когда я сказала «нет»!

– А ты сказала – нет? – Яна, казалось, была удивлена.

– Ну да! Ты бы этого Шестакова видела, он же старый! И противный какой-то. Сальный. Как представляю, что он мог бы меня трогать, мурашки по коже от отвращения!

– Постой-постой, а это не тот ли Шестаков, которому принадлежит винный дом? – нахмурилась Яна.

– Ну да. Я с ним познакомилась на презентации шампанского Cherie. А что, ты его знаешь? – взглянув в Янкино изменившееся лицо, Алена вдруг догадалась. – Он что, тебе тоже такое предлагал?

– Ну да, – ее улыбка была какой-то странной, несимметричной. Правый уголок губы взлетел вверх, левый остался на месте.

– Ну надо же, – покачала головой Алена, – с ума сойти! Неужели он на себя в зеркало никогда не смотрит? Неужели он думает, что у него может быть хоть какой-то шанс, с нами, с девчонками молодыми!

– Ну ты ду-у-ра! – не то удивилась, не то восхитилась Яна.

Казалось, она посмотрела на Алену новыми глазами. Казалось, она вообще впервые свою соседку увидела. И под этим испытующим взглядом Алене стало неудобно. Как будто Янка ждала, что она начнет оправдываться, только вот за что.

– Почему дура? – немного озадаченно переспросила Алена.

– Да потому что состояние Шестакова измеряется миллионами! – взревела Яна, чуть не сшибив локтем миску с салатом. – Да потому что каждая вторая девчонка согласится проглотить свои акриловые ногти и уменьшить свою силиконовую грудь на четыре размера за право провести с ним уик-энд.

– Ты шутишь? – опешила Алена. – С какой стати девушкам его хотеть? У него дряблый животик и лысина.

Вместо ответа Яна метнулась в комнату, к своему необъятному шкафу. Алена озадаченно последовала за ней. Янка пала на колени, как язычник перед богом солнца, и принялась вышвыривать из шкафа блузки и платья, что-то лихорадочно разыскивая.

– Ян, ты чего? С тобой все в порядке?

– Где же это было? Я ведь только на прошлой неделе перебирала коробки... – бормотала она, – ах, вот! Смотри!

С этими словами Яна торжествующе сунула Алене под нос фотографию. На снимке был изображен чуть более молоденький и чуть менее пропитой вариант Янки. Блондинистая, загорелая, счастливо улыбающаяся в объектив, в ушах – огромные зеленые сережки.

– И что? – удивилась Алена, – Это ты, я узнала. Но при чем здесь Шестаков?

– Притом, что эти серьги подарил мне он! Это изумруды и бриллианты, антиквариат! – Яна посмотрела на снимок, вздохнула, как будто бы изучала лицо любимого, ушедшего к другой. – Мне пришлось их продать... Год назад было трудное время. Работы не было, и я сломала передний зуб. Надо было делать коронки... Да еще я залетела от одного... Жалко сережки.

– Хочешь сказать, что ты... – ахнула Алена.

– Дала ему один раз, – спокойно продолжила Яна, – это даже был не полноценный секс, а так, light-вариант. Получасовые обжималки в его «Хаммере», коротенький минет. И все – он паркуется у ювелирного. Выбирай, Зинка, что тебе нужно.

– Почему Зинка? – пробормотала Алена, до которой смысл слов доходил постепенно, словно вокруг нее был плотный ватный кокон, мешающий своевременному восприятию информации. Она смотрела на Янку, на ее пухлые губы, нагло улыбающиеся... На ее грубо подведенные глаза, на ее руки в некрасивых разводах автозагара... И вот этими руками она обнимала толстеющего самодовольного Шестакова? За какие-то сережки с изумрудами?!

– Да потому, что он даже не запомнил, как меня зовут! – расхохоталась Янка, не обращая внимания на вытянувшееся Аленино лицо. Казалось, ей доставлял особенный извращенный интерес шокировать свою соседку, уже пропитавшуюся модельными нравами, но еще такую наивную. – Я для него ничего не значила. Он не разыскивал мой телефон, не искал со мной встречи, не теребил Марину Аркадьевну. А на твоём месте я бы рассчитывала минимум на автомобиль. А если повезет и станешь его постоянной girlfriend... – она по-кошачьи потянулась и мечтательно зажмурилась.

– Но я этого не хочу! – нервно воскликнула Алена, которая меньше всего ожидала такого оборота вещей, – не нужны мне его сережки, его деньги, я хочу... – Она, булькнув, осеклась и под насмешливым изучающим взглядом Яны подумала: «А что же я и правда хочу от своей жизни, от себя самой, от своей так называемой карьеры и вообще – от этого города, где моло-

дые красивые девчонки двадцати с небольшим лет готовы глотку друг другу перегрызть за „коротенький минет“ с последующей перспективой дарения ювелирки?!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.